

18+

ТАРАКАН БЕЗ НОГ НЕ СЛЫШИТ 3

ЛОРА КАФ

Лора Каф

Таракан без ног не слышит — 3. Волшебный пендель

<https://litres.ru/73873017>

ISBN 9785006985711

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Первые две книги казались автору абсолютно законченными — продолжения не планировалось. Но вдохновляющая поддержка читателей и «волшебный пендель» от Регины Федяевой, давней подруги, изменили всё. Герои, по традиции, вели себя совершенно непредсказуемо. Порой даже автор не мог предугадать, какой шаг они сделают в следующей главе и с замиранием сердца следил за их решениями. Что ждёт дальше? Новые повороты, неожиданные ходы — и да, волшебные пендели обеспечены!

Содержание

ВОЛШЕБНЫЙ ПЕНДЕЛЬ	5
Не глава. Гедлы	6
Глава 1 Короткая	9
Отчет 1. 3 октября	12
Глава 2 Игра — это очень серьезно	14
Глава 3 Вот моя деревня	25
Глава 4 Спасите наши души	33
Глава 5 То, что выше облаков	59
Глава 6 От щедрот твоих	76
Глава 7 Космос в ручном режиме	88
Отчет 7 23 ноября	102
Глава 8. Я иду искать	106
Глава 10 Тирания и свинина	132
Глава 11 В гостях у гедлов	147
Глава 12 Волшебное озеро	157
Глава 12 Подкидыш	164
Отчет 30 ноября	178
Глава 13. IT — Маугли	185
Глава 14 Борьба с собой самая трудная	191
Конец ознакомительного фрагмента.	200

**Таракан без ног
не слышит — 3
Волшебный пендель**

Лора Каф

© Лора Каф, 2026

ISBN 978-5-0069-8571-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0062-4295-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЛШЕБНЫЙ ПЕНДЕЛЬ

«А чтобы тебе веселее было бежать, вот тебе волшебный пендель!»

КВН Команда Питера

Не глава. Гедлы

Тьма сгушалась над узкими улочками города, будто черный плащ, брошенный на израненные спины.

В хижине, обмазанной глиной, воздух был густ от страха и злости, как бульон, который слишком долго варился.

Свет единственного крохотного шарика дрожал, отбрасывая тени, похожие на скрюченные пальцы, готовые схватить, удушить.

«Мы уйдем. Все уйдем. Когда растает снег,» — прошептал Роан, его голос был как шелест сухих листьев под ветром.

Его глаза, мутные, словно затянутые льдом пруды, смотрели в пустоту. Рука его непроизвольно сжалась в кулак, кожа на костяшках побелела.

— А если она не даст? Аль... она ведь не позволит, — прозвучал голос Лиры.

Её слова висели в воздухе, как ядовитый туман. Она сидела, скрестив ноги, ее пальцы нервно перебирали край платья, вытертого до дыр.

Дар Лиры — видеть сквозь время — был проклятием и благословением.

— Она не враг, но... она не понимает.

— Не понимает? — резко оборвал Мирро, его голос сорвался, как струна, натянутая до предела. Его лицо, покрытое шрамами, похожими на карту забытых битв, исказилось

в гримасе.

— Она сидит в своем Центре, как паук в паутине, и наблюдает. Она знает всё. И если захочет, раздавит нас, как мошек. Нельзя надеяться на того, кто так близок с урами. В любой момент её отношение к нам может измениться, как и у них. Наши погибшие не сделали ничего плохого ни урам, ни Городу, но они пришли чтобы убивать.

В углу зашевелилась Силла. Ее руки, тонкие, как ветки ивы, дрожали. Её присутствие было как тихий шепот ветра. Дар Силлы — лечить прикосновением — давал некоторую власть и силу её голосу, но сейчас она молчала, не зная, чью сторону принять. Она казалась тенью, призраком, который боится раствориться.

А если мы ошибаемся? — вдруг вырвалось у Роана. Его голос был как трещина в стекле, тонкая, но способная разрушить всё. — Если она действительно на нашей стороне? Она уже спасала нас. От смерти. От холода. Все её действия говорят о том, что она хочет примирить нас с урами, а мы убежим, как трусы.

— Мы не трусы, — резко ответила Лира и её глаза вспыхнули, как угли. — Мы выжившие. И выживание требует действий, а не слепой веры.

Шар мигнул в последний раз и угас. Тьма поглотила их, словно гигантская пасть. Никто не зажег огонь. В темноте их дыхание сплелось в единый ритм, как сердцебиение зверя, готового к прыжку. Весна была близко. И с ней — неизвест-

НОСТЬ.

Глава 1 Короткая

Он стоял передо мной. Живой, настоящий. Из плоти и крови. Молодой и прекрасный. Волосы цвета спелой ржи заплетены в косу. Взгляд темно-синих глаз затягивал так, что дышать было трудно.

— Ты?! — Ахнула я.

— Даже при всем моем желании я не смог бы ответить отрицательно. — Кивнул он и растянул губы в своей невероятной и головокружительной, улыбке. — Это я.

На какой-то миг я поверила, что это Урлиг. Они были так похожи. Глаза, рот. Но глаза Урлига были всего лишь виртуальным изображением и меняли выражение по команде программы, моделирующей выражение лица и интонацию голоса человека, который лежал в забытом гроте, залитый биораствором, и не мог говорить в принципе. А глаза Мария были живыми и в них таилась усталость. Да и не мог это быть Урлиг, потому что и в гроте его уже не было. Улетел он.

— Что с твоими волосами?

— Я заметил, что тебе нравятся светловолосые. Вот, решил попробовать так обратить на себя твое внимание.

Я усмехнулась.

— Надо же. Ты лучше знаешь о моих предпочтениях чем я сама.

А сама подумала, что ведь и правда, все мои мужчины были светловолосы.

Только я ведь влюбляюсь не в волосы, а в человека на чьей голове они растут.

А то что волосы светлые, это просто совпадение.

— Тебе не понравилось?

Марий растерянно коснулся рукой головы.

— Да нет. Тебе идет. Но зачем такие жертвы? Отбеливание очень плохо на волосы действует. Еще облысеешь.

В глазах Мария промелькнула легкая паника.

— Ты серьезно?

— Боишься остаться лысым? Девушки любить перестанут.

— А ты?

— А мне ты в любом виде дорог.

Я подошла к Марию, обняла его за талию, уткнулась лицом в его широкую грудь и заревела.

Марий терпеливо дал мне проплакаться потом усадил на кресло и налил воды в высокий стакан.

— Спасибо тебе.

— За что, дивная?

— За то что остался.

— Как я мог улететь. У меня здесь столько работы незавершенной. Ну, и ты тоже.

Марий слегка толкнул меня плечом.

— Что-то я последнее время совсем слезливой стала. Пора с этим завязывать.

— Ничего. Иногда не мешает немного поплакать. Какие у нас планы?

Я последний раз шмыгнула носом и ответила.

— Грандиозные.

Отчет 1. 3 октября

Прибыли на заданную точку в третий день десятой луны.

(Точное местоположение в зашифрованной части отчета.)

Состав экспедиции: Двадцать человек, включая руководителя группы.

(Полный список в зашифрованной части отчета)

Дорога до базового лагеря заняла четырнадцать земных суток.

(Отчет о каждом дне следования составлен отдельно)

Человек в белом утепленном комбинезоне внимательно перечитал написанное, удовлетворенно хмыкнул и продолжил.

«Транспорт и охрана были обеспечены аборигенами. Со своей задачей они справились отлично.»

Человек снова перечитал написанное и вздохнул. Столько таких документов уже накопил за свою жизнь, но так и не научился писать их нормальным сухим языком. Всегда хотелось написать подробнее. Детальнее. Расписать как отважно бились дикари с большой стаей псов. Как сам едва не лишился руки понадеявшись на свое оружие. И если бы не вожак, который воткнул рожон прямо в пасть зверюге, не писать бы ему сейчас ничего.

Он не успел пересчитать всех хищников. Было как-то не до того. Но два матерых пса и четверка переярков которых убили дикари, составляли почти треть от напавшей на них стаи.

Человек тряхнул головой и продолжил запись.

«Первичная оценка местности. База расположена на поляне примерно в двести квадратов. На север от поляны возвышенности. К югу уровень понижается. В трехстах метрах от базы вход в тоннель.

Он недовольно нахмурился, стер написанное и начал писать заново.

База расположена в трехстах метрах от объекта изучения. Территория вокруг базы характеризуется пересеченным рельефом с чередованием возвышенностей и пониженных участков. Преобладающие высоты составляют 600—900 метров над уровнем моря. Ниже базы на расстоянии пятисот метров находится ручей. (Подробный гидрологический отчет будет составлен позже и предоставлен отдельно).

— Первый.

Человек поднял голову и устало посмотрел на молодого паренька в таком же белом утеплённом комбезе.

— Давай ты потом отчётами займешься. Надо лагерь обустраивать, пока светло.

Первый положил ладони на затылок и потянул, хрустнув шейными позвонками.

— Никакой субординации. Но ты прав. Надо дров собрать. И формы достать. Будем делать камору. Нам тут долго жить придется.

Глава 2 Игра — это очень серьезно

Я положила на место розоватый шарик и достала следующий. Уставилась на него, пытаюсь сообразить, что это, и зачем оно мне надо. Голова гудела.

— Аль.

Гар осторожно дотронулся до моей руки.

— Нельзя так долго смотреть кристаллы. Тебе надо отдохнуть.

Я потерла лоб. Да, что-то я засиделась.

Не то чтобы тема была настолько интересной, что прям не оторваться. Даже наоборот. Она была нудной и скучной, но изучить её было необходимо.

Статистика такая вещь что в любом месте нужна. Ни одно государство не может без нее нормально функционировать. Войны без статистики не ведут. Ни один бизнес не может работать и развиваться без учета всего что в этом бизнесе есть. Домохозяйка считает доходы-расходы. Сколько продуктов надо купить, чтобы ничего не пропало, потому что несвежее мы не едим и борщ вчерашний тоже не будем.

Так. Стоп. Не надо вспоминать о прошлом. И в настоящем проблем хватает.

Вот и сидела я уже которые сутки. Просматривала кристаллы памяти, составляла таблицы и графики, сводила данные чтобы точно знать сколько семян нам понадобится на

посевную и как растянуть остаток до следующего урожая. И это только по одному пункту.

А как все замечательно начиналось.

Я летала вольной птицей над лесами и горами. Гоняла орлов в небесах и *рыбов* в реках.

Была свободной как ветер, пока не залетела в этот грешный город, который прикарманил меня себе.

Влюбил в себя.

Забрал мою душу и дал взамен это тощее тельце.

Я получила много даров от Города. Заботливого отца. Собственный дом и благодарное народонаселение.

Еще я нашла тут любовь.

Нашла и потеряла.

И друга, которого потеряла тоже.

И еще много друзей, которые были рядом и поддерживали меня во всем. Даже в самых идиотских предприятиях, вроде зимнего закаливания.

Когда наши звёздные путешественники покинули эту прекраснейшую из планет, я думала, что умру. Слишком большой кусок моего сердца был тогда вырван и превращён в пепел.

Жизнь в меня вливали по капелькам.

Я не сразу смогла поверить, что ещё могу дышать, радоваться чему-то. Что мне еще есть кого любить. Что жизнь продолжается.

Но рядом всегда был Вамана, с его ненавязчивой болтов-

ней ни о чем. Толстый Щен, которого уры выходили просто чудом, срастив ему позвоночник. Мохнатый и умильный Ананси, который умел хмуриться и улыбаться, несмотря на паучью морду лица.

Со мной был мой Город, без которого я уже не представляла своей жизни.

Шарик выкатился из моих усталых рученок. Гар ловко его поймал и отправил обратно в нишку, а мне протянул чашку с горячим чаем.

— О, тема. — Простонала я, отхлебнув глоток. Допив вкусный и согревающий напиток, я потянулась, разминая затёкшую спинку. Клетчатый пушистый пледик упал с моих плеч.

— А ты чего домой не идёшь? Жена, наверное, заждалась. Гар улыбнулся мягкой улыбкой и слегка покраснел. Я знала как нежно, и трогательно наш директор рынка любит свою жену. Красавицу Лану. Какой он заботливый отец для своих очаровательных дочурок. Да и как управляющий себя отменно показал.

Данные на шариках были подробными, без лишней воды и я была уверена, что и полными. Поэтому и пришла за информацией на рынок, а не в Центр.

Уры тоже вели свои учеты. Но чтобы разобраться в их записях, мне пришлось бы обзавестись ещё парой-тройкой голов. Та единственная, что имелась в моем распоряжении, не справлялась с их сложными трёхмерными таблицами. Тут с

двухмерной бы справиться.

А у Гара все было по полочкам. Дням. Годам. Мало того, у него на каждый продукт были отдельные записи. Так что, если меня интересовало только количество мяса, съеденного в триста девяносто пятый год от основания Города, то мне следовало взять нежно-розовый шарик с тремя полосками. А ещё лучше спросить у самого Гара, где эта информация храниться. И он, с закрытыми глазами мог найти все, что требовалось.

Я не лезла в далекую древность. Мне вполне хватало последних двадцати лет, которые вел Гар. Но по этим годам надо было выяснить все. И сколько чего сажали-собирали. И сколько съелось и сколько осталось, если вообще оставалось что-то.

Погоду за каждый год надо было записать и что в том году при той погоде выросло, а что засохло.

Гар, помимо других своих достоинств, был прекрасным помощником. Успевал и свою работу делать и мне помогать. Как ему удавалось бегать по рынку и быть под рукой в любой момент, я не представляла.

— Лана знает, что я задержусь. Она скоро подойдет. Принесет нам ужин. Сегодня девочкам удалось поймать рыбу, а Лана умеет её готовить, как никто другой.

Управляющий снова улыбнулся, предвкушая встречу с любимой. А я погладила урчащий живот и сглотнула голодную слюну.

— Рыбка — это хорошо. Белок и фосфор, вкус чудесный. Повезло тебе с женой, Гар. Красивая она у тебя и хорошая. И вообще, вы красивая пара.

Гар хихикнул.

— Ты шутишь.

— *Чойта* шучу?

— Какой же я красивый. Маленький, неуклюжий.

— А я и не сказала, что ты красавец. Я сказала, что вы красивая пара. Когда вы рядом, от вас прямо свет исходит.

— Ты снова шутишь.

Гар зарделся как девушка и даже потупился от смущения.

— Я такой толстый и смешной. Надо мной весь рынок потешается.

— И ты продолжаешь тут работать? Не хочется обидеться и уйти? В пастухи, например?

— Как можно. — Всполошился человечек. — Мне такое задание ответственное дали, как же я могу бросить то? Другой человек придет, ничего не знает. Где что продают, кто когда работает. Что и как записывать надо. Это ведь только кажется, что тут все просто. А я пока понял, как всё лучше сделать, полоборота прошло. Хорошо, что тогда рынок маленький был. А сейчас то здесь весь Город торгует. Да еще и дикари приходят.

— Ты, что-ли, сам всю эту систему разработал?

Я кивнула на нишу, в которой, одна к одной, стояли высокие рамки. Ширина рамок не превышала полпальца. И каж-

дая была окрашена в свой цвет. В рамках были вставлены горизонтальные рейки с двенадцатью ямочками в каждой. Рейки окрашены градиентом от темного к светлому в цвет рамки, и каждый инфокристалл по цвету соответствовал своей ямочке. Года были помечены разными символами. И если бы кому-то пришла в голову дурная мысль высыпать шарики на пол и перемешать их, то вернуть каждый шарик на его законное место не составило бы никакого труда.

— Сам, конечно.

— Молодец. Гений просто.

— Ты снова шутишь. — Заулыбался Гар, полностью уверенный что я именно шучу. — У меня всего три знака в имени. Какой же я гений?

— А это уже наш недосмотр.

Я сцепила пальцы и вытянула руки вперед, хрустнув суставчиками.

— Я просто в шоке, что наши умники тебя прозевали. По моему правильному мнению, тебе пора уже не только четвертый знак дать, но и пятый. Я бы от себя даже шестой добавила.

— А теперь ты точно шутишь. — Человечек захохотал, хлопая себя по пухленьким ляжкам.

— И как ты вообще смог жениться на Лане с такой самооценкой? — покачала я головой.

— Мне куклы помогли.

— Куклы Улин?

Я иронично улыбнулась.

— Зря ты смеёшься. Эти куклы помогли многим. Я знаю, о чем говорю. Когда Улин начала их продавать, в Городе начали рождаться дети. Здоровые и красивые.

— И как этому помогли куклы?

— Так же, как и мне. Прошло уже много времени и сейчас я могу признаться. Но при одном условии. Если мой проступок слишком тяжёл, то не говори ничего урам. Пусть это останется между нами, хорошо? Корм тогда ничего никому не рассказал.

— Ну, если уж папа не сказал, то я тем более болтать не собираюсь. Даже если твой проступок является преступлением по местным законам. Ты ведь никого не убил?

— Нет, что ты.

В карих глазах управляющего плеснулся ужас.

— Как можно такое вообще... Ты что!

— Ну тогда я внимательно слушаю.

Гар потупился, ковырнул пальцем столешницу, покосился на меня и наконец решился.

— Я украл кукол.

— У кого?

— Ни у кого.

Гар спрятал стиснутые ладони между коленями и сгорбился виновато, глядя в пол.

— Просто украл. Улин принесла мне свои куклы. Я должен был их урам отдать, но не отдал. Себе оставил. Назвал

их Гар и Лиа. Часто носил с собой, а по вечерам мечтал, будто эти куклы и есть мы с Лией. Представлял, как я подхожу к ней, заговариваю, а она... Первое время даже кукла смеялась надо мной. Я не мог даже представить, что Лиа обратит на меня внимание. Но потом подумал, если в настоящей жизни она меня никогда не полюбит, то хотя бы куклы пусть будут счастливы.

Гар усмехнулся.

— Ты говоришь я гений. А я тогда себя вёл как безымянный. Рвал под стенами крохотные голубые цветы и дарил кукле. Делал ей красивую одежду из листиков. А однажды меня угостили кусочком аввы. Я даже не попробовал. Кукле принес. И она начала мне отвечать. То есть, говорил, разумеется, я сам, но почти верил, что говорит Лиа. Не кукла, а настоящая Лиа.

Мне было легко и свободно беседовать с ней. И однажды я встретил Лию на рынке и смог поздороваться и даже спросить, как у неё дела и не нужно ли чего-нибудь. И она мне ответила. Попросила помочь донести до дома покупки. Мы шли по рынку и разговаривали. Точно так, как я разговаривал с куклой. Легко и свободно. Я шутил, и она смеялась моим шуткам. Не надо мной, а со мной, понимаешь?

Гар говорил тихо, но волнение прорывалось сквозь его тихий голос.

— И что было дальше?

— На следующее утро я встал до зари. Пошёл за город,

нарвал там самых красивых цветов и положил на её прилавок, пока Лии ещё не было. И в следующее утро. И следующее за ним. Я делал так каждое утро, а днем помогал ей носить товар и покупки. По вечерам колол ей дрова и приносил воду. А через поборота накопил денег, купил самую большую авву и принёс Лие. И тогда она спросила, почему я не предлагаю ей стать моей супругой. Сама спросила. Я ничего не смог ответить. Я расплакался. Как ребенок. А она меня поцеловала. И с тех пор мы вместе. Уже двадцать оборотов. До сих пор не могу до конца поверить, что мы супруги.

Гар шмыгнул носом и украдкой стёр слезинку со своей щеки.

Я тоже расчувствовалась. Быстренько запила это безобразие чаем, чтобы не расплакаться вслед за рассказчиком.

— Я была неправа, когда сказала, что ты не красавец. Ты очень красивый, Гар. И история у вас с Ланой красивая.

— Этой истории не было бы, если б не куклы. Ты по-прежнему не веришь в колдовство?

Я по-прежнему не верила. Потому что знала, и откуда берутся здоровые дети, и как именно куклы помогли Гару.

Назовите это как угодно. Куклотерапия, аутотренинг, вуду, шаманство, чародейство. Не суть.

— Знаешь Гар, никакое это не колдовство. Это самое настоящее волшебство. Волшебство твоей собственной веры и убежденности. Это волшебство твоей любви. А куклы... Что ж, я готова согласится что куклы помогли тебе. Они помог-

ли тебе поверить в себя. А все остальное ты сделал сам. И Лана полюбила тебя не потому, что куклы её заставили. Она просто увидела, какой ты красивый.

Отчет 2 10 октября

Отчет.

База «Визиг»

Пятый день одиннадцатой луны.

Построены жилые и технические помещения. Проводится калибровка измерительных приборов. Сборка мобильной буровой установки.

— А ничего база получилась. Стильненько. Прямо домик нашей Аль.

Первый вздрогнул.

База действительно была построена по принципу разделенного пространства. То есть, полностью разделенного.

Отдельные камеры-кубики стояли на скальных выступах, друг на друге, крепились к отвесным стенам. Было бы удобнее поставить их на поляне, но для монтажа оборудования требовалось много места, а с этим в горах туго.

Хорошо, что перед тоннелем гора была будто кем-то срезана. Хватило места для распаковки и сборки приборов. Три кибитки и пять телег поставили вдоль дороги, а камеры для жилья и хранения высокоточного оборудования удачно разместились прямо над поляной.

Первый окинул взглядом новостройку и на миг ему почу-

дился открытый балкон с искусственно состаренной балюстрадой и робкие плети молодого плюща.

Боль едва не согнула его пополам.

— Да когда же это кончится. — Сквозь зубы прошипел мужчина, прижав кулак к груди.

— Ты что-то сказал?

Помощник с легкой тревогой заглянул Первому в глаза.

— Я сказал, что мы неплохо потрудились.

Глава 3 Вот моя деревня

Город, засыпанный свежим снегом, дремал. Редкие прохожие не мешали его дрёме. Горожане сидели по домам, сберегая тепло и энергию. Впрочем, и дома дел хватало. Делали циновки, кроили козьи шкуры на обувь, пряли тонкую шерсть. Обычный быт любой деревни.

Климат, за последние пять тысяч лет сильно изменился. По крайней мере эта зима была очень мягкой. Боюсь представить, что бы стало с жителями в плохо утеплённых домах при настоящей сибирской зиме. Градусов в сорок.

К сатане эту водорослевою архитектуру. Она хороша только для летних дач. А дом должен быть настоящим домом. Большим, уютным и теплым. Чтобы хватало места не только для поспать, тесно прижавшись друг к другу.

Хорошо, что эльфы не противились вырубке делового леса. До зимы мы успели построить пятнадцать прекрасных изб, которые разыграли между семьями с двумя и более детьми.

Улица с типовыми домами и большими участками под огороды смотрелась шикарно.

Еще была построена школа. Моя заслуженная гордость. Я на папином дворце так не выкладывалась, как на этой школе. Двухэтажная, с большим спортивным залом, уютной столовой и собственной котельной на дровах.

За котельную пришлось повоевать с урами. Они наотрез отказались давать железо для труб. Я ныла и клянчила целую неделю и так достала наших умников, что они перерыли свои закрома, перепрофилировали целую линию и выдали мне готовую к сборке систему отопления из полиэтилена.

Честно скажу, поначалу я даже обиделась.

— Вы что, издеваетесь? — Возмущалась я, царапая ногтем почти черную трубу. — Да там температура девяносто пять. Ваши пакеты для картошки расплавятся на раз!

Уры довольно заржали.

— Эти пакеты и двести выдержат.

Один из уров с чудными локонами и глазами мудрого вола, поднял трубу и закрутил её над головой с такой скоростью, что его локоны взвились в воздушном потоке.

— Смотри, какие они легкие.

— Вот как раз вес меня никак не волнует. Я их на себе таскать не собираюсь. Ты мне лучше про прочность расскажи. Как часто систему менять придется?

— Оборотов на семьдесят точно хватит. Там уже всю школу менять надо будет.

Уры опять захихикали.

— Ладно. Монтируйте. Будем испытывать.

Испытания, длившиеся почти две недели, прошли на ура. И теперь наши детки учились чтению и письму в теплых классах. Кроме основной обучающей программы детки изучали все ремесла. Шитье, прядение, табуреткоколотение.

Девочки Лунны обучали деток кулинарии и траволечению. Горожанин по имени Фил, один из тех, кто строил мой дом, и кто вторым, после Макса, взял разрешение на строительство собственного дома, проводил основы ОБЖ и учил заколачивать гвоздики. Мальчики и девочки обучались всему. Мало ли что в жизни пригодится.

Дети находились в школе почти весь день. А многие оставались и ночевать, потому что в школе было по-домашнему уютно. И родители знали, что их чада под присмотром, накормлены и одеты.

Кутаясь в шубку из искусственного, но достаточно теплого меха, я пробиралась по узким тропкам, поскальзываясь на подмороженных лужицах. Между домиками, которые из-за снежных шапок стали похожи на молодые боровички,

Оттепели начались с середины февраля.

Еще немного и придет настоящая весна. Пора думать о посевной и посадочной.

Поскользнувшись на очередной коварной лужице, засыпанной снегом, я растянулась во всю длину и чуть не выронила корзиночку с угощением.

Волшебница Лунна умудрялась даже в эти трудные времена баловать нас вкусняшками.

В этот раз нам достались кружевные прянички на древесном сиропе. По три штучки. И я знала кого могу ими порадовать.

Ряд гедлов был пуст. Их осталось очень мало после того жуткого дня и думаю, если бы не срочный отлет самых ярких их противников, то не осталось бы вообще никого.

Мне до сих пор было страшно и стыдно появляться на этих рядах. Как ни крути, а пружиной этой бойни послужила наша глупая ссора с Анастасией.

Да, Нянька внимательно следила за безымянными и была в курсе, что происходит на их рядах. Нападение маленькой гедлы было всего лишь поводом, но не причиной. Думаю, Нянька давно готовила полное уничтожение всех безымянных, хотя до сих пор не могу понять, чем они ей так помешали.

Он ждал меня на углу ряда, как всегда, предугадав мой приход. Сначала я даже подумала, что кто-то забыл на помосте ворох разноцветного тряпья.

— А где тулуп, который я тебе подарила?

— А-ы.

Горбун мотнул головой в сторону лачуг.

— Опять кому-то отдал. — Вздохнула я. — Я же осенью на всех шубеек наделала. Вы их едите, что ли?

— Ай-я-ха. — Засмеялся мой приятель.

— У вас тут всё хорошо? Никто не болеет?

— Агым. — Помотал головой горбун. И ладошкой с растопыренными пальцами помахал, на случай если я его не пойму.

— Еда есть? Не голодаете?

— Ыыы. — горбун аж двумя руками замахал.

— Точно?

В ответ горбун залез за пазуху и достал серую лепешку.

— На.

— Спасибо милый. Я не голодная. А вот тебе гостинец.

Не отказывайся.

Я протянула приятелю корзиночку. Тот радостно заулыбался, выгреб из корзинки прянички и спрятал их за пазухой вместе с лепешкой.

— Владлен не появлялся?

— Ы-ы.

— Если вдруг придет, передай что мне надо с ним поговорить.

— Ма. — Кивнул головой мой приятель. — А-у?

Приглашающие махнул грабкой в сторону лачуг.

Я покачала головой.

— Нет. Не сейчас. Но у вас точно всё в порядке?

— Ы-ы.

— Хорошо. Тогда я пойду.

Я еще раз посмотрела в сторону лачуг и подумала, что надо найти Ваману и попросить его сделать тулупчик для Квазимоды. И пусть посмотрит, что там, у гедлов твориться.

Я брела домой по тропинке, утопанной множеством ног. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в нежные золотые тона. Ветер стих, и стало отчётливо слышно, как вдалеке кричит какая-то птица.

Я ускорила шаг, стремясь поскорее добраться до дома. Хотелось поскорее оказаться в тепле и уюте своей каморы, зажечь огонь и выпить горячего травяного чая.

В каморе было пусто и холодно. В целях экономии обогреватели автоматически отключались, отработав час. И их нужно было включать снова. Если было кому включать.

Щена тоже не было. Киса взял над ребенком полную опеку и таскал его за собой по лесам и долам.

Я подожгла пучок тонких высушенных лучин и сунула их дрова, с утра уложенные в камине. Включила обогреватель, села на кровать и погладила Ананси, сидящего на моем запыстье.

— Одни мы с тобой остались.

Паучок пощекотал меня своими педипальпами, тихо скрипнул и перепрыгнул на полочку, где для него было устроено гнездо из шерсти Щена.

— Я совсем забыла. Меня же Марий ждет. — пробормотала я. — Нет. Сил нету. Спать хочу.

Я скинула шубу и не раздеваясь залезла под ледяные пледы.

Отчет 3 20 октября.

Отчёт

База «Визиг»

Двадцатый день десятой луны.

Объект исследования представляет собой тоннель протяженностью три километра сто двадцать семь метров. Ширина тоннеля от восемнадцати до двадцати двух метров.

Высота свода от пяти до пяти с половиной метров. Форма арочная. Стены тоннеля ровные. Имеют неярко выраженную фактуру. Это позволяет предположить, что тоннель имеет искусственное происхождение. Решено проводить отдельные изыскания чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение

Тоннель имеет два поворота в пять и семь градусов. Первый поворот начинается на отметке тысяча сорок два метра от входа А.

Второй поворот расположен на отметке две тысячи восемьдесят два метра от входа А. На всем протяжении тоннеля наблюдается стабильная температура, приблизительно 12 градусов Цельсия. Что значительно превышает температуру воздуха вне тоннеля.

Первый вспомнил как они замерзли тогда, летом, проходя через этот тоннель и попытался вспомнить, какую температуру он указывал в тех отчетах.

Он перечитал написанное и удовлетворённо кивнул. За последние две недели был проделан огромный объем работы. А всё благодаря дикарям. Вопреки укоренившемуся в Городе и среди уров, мнению, аборигены оказались очень даже обучаемы. К приборам относились с осторожностью и акку-

ратно и бережно доставляли их от места сборки до точки назначения.

Особо стоит отметить их феноменальную память. Они с легкостью запоминали последовательности действий, необходимые для транспортировки и установки оборудования.

Ландшафт местности был слишком сложным для техники. И ручной труд коренных жителей оказался единственным приемлемым вариантом.

Первый уже решил, что игнорировать этот ресурс просто глупо и заказал Центру составить адаптивную программу для дальнейшего обучения дикарей.

Особое внимание должно быть уделено технике безопасности и предотвращению возможных аварийных ситуаций.

А на температуру стоит обратить отдельное внимание. Как бы узок и длинен не был тоннель, вентиляция в нем присутствует, и температура априори не может сильно отличаться от температуры на открытом воздухе.

— Она могла бы замерзнуть в этой чёрной дыре. — Прощептал он, и с силой потер лицо ладонями.

Глава 4 Спасите наши души

Я услышала тихий зов и открыла глаза.

Тонкий лучик подружки моей Луны уютно разместился в дальнем углу спальни.

Над освещённым углом алмазной россыпью искрилась паутина. Искры слегка подрагивали. Значит, хозяин паутины был дома и наводил порядок.

Ананси был весьма деловитым паучком. Домовитым, хозяйственным и большим чистюлей. По долгу службы ему приходилось целыми днями таскаться по Городу, крепко вцепившись в моё запястье. Но стоило нам вернуться к себе, и он тут же спрыгивал с руки и отправлялся в ближайший угол, плести новую алмазную паутину или доплетать старую, которую наши пронырливые уры ещё не успели стащить.

Взамен украденного, похитители приносили недовольному мастеру жучков, кусочки свежего мяса и даже кровь в крохотных пробирках, его любимое лакомство. Всячески перед ним заискивали и набивались в друзья.

Ананси подношения принимал с таким высокомерным видом, что дарители начинали трепетать и заискивать еще больше.

А мне потом приходилось их отпаивать чаем из собственных ручек.

Впрочем, шокированные крутостью моего бодибилдера

уры, не забывали выклянчивать у меня вкусняшек к поданному чаю, и уходя, воровать свежесплетённую паутину.

Тихий зов повторился. Я поднялась, накинула на себя длинный халат и вышла на балкон.

На зачарованной поляне, окутанной серебристым туманом, сияя волшебной красотой, затмевая свет огромной Луны, нетерпеливо бил серебряным копытом сказочный единорог. Его белоснежная шерсть переливалась в лунных лучах, словно сотканная из звёздной пыли, а длинный рог мягко мерцал таинственным голубоватым светом. Грива струилась вокруг шеи, будто сотканная из лунного света и утренней росы, а глаза горели древним огнём — словно две далёкие галактики.

Не дыша, я на цыпочках спустилась по влажным после ночного дождя ступеням, которые вели вниз, к волшебной поляне. Капли воды на камнях вспыхивали крошечными алмазами, когда на них падал лунный свет. Я подошла к величественному зверю, сердце билось так сильно, что, казалось, он мог услышать его стук.

Дрожащими пальцами я погладила его по шёлковой гриве — она оказалась мягче самого нежного шёлка и чуть искрилась под моими прикосновениями. Затем, набравшись смелости, осторожно коснулась пальцами его огромной клыкастой морды. Единорог фыркнул, выдохнув облачко серебристого пара, и плавно опустился на одно колено, грациозно склонив голову и подставляя свою шею — приглашая меня

в невероятное путешествие.

Ветер свистел в моих ушах, когда мы взмыли в небо. Расплетённая коса вилась за спиной чёрным флагом, путаясь в полах халата, который под порывами ветра превратился в волшебный плащ, развевающийся за моей спиной, как крылья ночной птицы. Мы летели под Луной, скользя между звёздами, распугивая мириады крохотных зелёных светлячков. Они разлетались в стороны, словно живые искры, оставляя за нами мерцающий след.

Хотелось лететь так целую вечность, задыхаясь от восторга, впитывая каждой клеточкой тела эту невероятную свободу. Воздух был сладким, напоённым ароматами ночных цветов и свежести далёких гор. Луна освещала наш путь, а звёзды подмигивали, будто благословляя это волшебное путешествие. Но, увы, наш полёт закончился слишком быстро. Ведь всё прекрасное, по великой магии мира, длится недолго именно потому, что оно так совершенно.

Единорог плавно спустился и остановился посреди огромной поляны, окружённой невысокими тёмными скалами, которые возвышались, словно древние стражи забытого царства. Впрочем, тёмным было всё вокруг: подруга моя Луна спряталась за плотными, тяжёлыми тучами, и даже белоснежного единорога теперь было едва видно — лишь его рог продолжал мягко светиться, разгоняя мрак.

Неожиданно мерцающий свет пробежал по скалам — тонкий, дрожащий луч, словно чья-то невидимая рука прове-

ла волшебной кистью. Они шевельнулись! Потом ещё раз. И ещё. При каждом движении по их поверхности разливался свет — то золотой, как первые лучи рассвета, то изумрудный, словно листва зачарованного леса, то палевый, напоминающий цвет закатного неба. Моё сердце замерло от изумления.

Постепенно из темноты проступили очертания огромных существ. Сначала я разглядела огромную когтистую лапу, покоящуюся на камне, — когти блестели, как отточенные клинки. Затем показался длинный шипастый хвост, медленно покачивающийся из стороны в сторону. Силуэты становились всё чётче, и наконец я увидела их — величественных, могущественных, с переливающейся чешуёй, отражающей призрачный свет.

— Драконы! — выдохнула я, не в силах сдержать трепет в голосе.

Они медленно поднимались, расправляя огромные кожистые крылья. Единорог рядом со мной тихо заржал, словно приветствуя их, и я почувствовала, как воздух наполняется магией — новой, неизведанной, обещающей удивительные открытия...

Они медленно раскрыли свои глаза. Золотые. Изумрудные. Палевые.

И в тот же миг любопытная Луна, будто замороженная этим зрелищем, робко выглянула из-за рваных туч, боясь пропустить что-то поистине удивительное. Её серебристый

свет лёг на землю призрачной вуалью, подсветив контуры чего-то огромного, древнего и величественного.

Огромная голова, величиной с две кибитки, бесшумно приблизилась ко мне — так близко, что я ощутила её дыхание: тёплое, влажное, наполненное ароматами далёких земель — запахом сухой полыни, горных трав и чего-то неуловимо древнего, забытого временем. Узкие ноздри на массивной морде раздувались, втягивая воздух, а вместе с ним — и мой запах. Меня пошатнуло: то ли от мощного потока воздуха, всколыхнувшего мои волосы, то ли от волнения, что ледяными иглами пробежало по спине.

Голова слегка развернулась, и на меня уставился золотой глаз — огромный, с вертикальным зрачком, мерцающий внутренним огнём. В его глубине клубились тени и отблески неведомых миров, и казалось, он видит не только меня, но и всё, что было, есть и будет.

— Страница, — раздался оглушительный свистящий шёпот, от которого задрожали листья на ближайших деревьях, а земля едва заметно содрогнулась. — Ты хочешь вернуться домой.

Голос не спрашивал — он утверждал с непоколебимой уверенностью, словно знал обо мне больше, чем я сама. Но я, собрав остатки смелости, кивнула головой и, едва шевеля пересохшими губами, прошелестела:

— Да.

— Повтори, — прозвучало вновь, на этот раз чуть тише, но с какой-то новой, почти умоляющей интонацией, будто от моего ответа зависело что-то невероятно важное.

Я подняла взгляд, встретившись с бездонной глубиной золотого глаза, и закричала, — Я хочу вернуться домой!

Проснулась вся в поту. Резко села на постели, и глубоко задышала, пытаюсь успокоить взбесившееся сердце.

Какой реальный сон.

Я смяла край влажной простыни. Пальцами, которые ещё помнили шёлк серебряной гривы, и огляделась. Я в собственной спальне. Все в порядке. Все на месте.

Тонкий лучик подружки моей Луны уютно разместился в углу спальни. Над освещённым углом алмазной россыпью искрилась паутина. Искры слегка подрагивали и значит хозяин паутины был дома и наводил порядок.

Я услышала чей-то тихий зов. Встала, накинула на себя длинный халат и вышла на балкон. На поляне, сияя волшебной красотой, затмевая свет огромной Луны, нетерпеливо бил серебряным копытом сказочный единорог.

— Аль!

— А-А...

Я подорвалась на сиденье и чуть не снесла консоль, на которой только что крепко спала.

— Что? Что случилось? Чего ты орешь?

— Аль, там... там...

Парнишка хватал ртом воздух и никак не мог договорить,

что же там произошло. И вообще, где это самое «там» находится.

А я хлопала глазами, не в силах вернуться в эту реальность, после странного сна во сне.

Меня спас Вамана.

Деловито отодвинув помощника с дороги, он вошёл в камору. Мельком взглянув на мою ошарашенную физиономию, моментально оценил ситуацию и укоризненно покачал головой. Налил воды в высокий стакан и подал мне.

— М... Спасибо.

Вода пришлась очень кстати. Пара глотков привели меня в чувство, освежили и окончательно развеяли призрак странного сна.

— Ты прекращай спать где попало. — Проворчал мой друг. — А то я попрошу наших умников тебе матрас на колесиках к спине прикрутить.

— Зачем на колесиках? — пробормотала я, выливая остатки воды в ладонь и пытаюсь умыться этими жалкими каплями.

— Ну, если хочешь эту тяжесть на себе таскать, могу заказать и без колесиков.

Вамана наполнил стакан ещё раз и сунул мне в руки.

Я представила себя ползущей по улицам Города с огромным пружинным матрасом, прикрученным к моей тощей тушке огромными болтами навывлет. Я истекаю кровью, потом и слезами, а горожане участливо предлагают завер-

нуть за ближайший домик и отдохнуть как следует.

Вопреки трагичности сюжета я громко расхохоталась и проснулась окончательно. А потом вспомнила про помощника.

— Так что там произошло?

Парень наконец-то отдышался. Оторвался от дверного косяка, подошёл ко мне, отобрал стакан, залпом выпил до дна и выдал.

— Сигнал.

— Отлично.

— Мы получили сигнал.

— Замечательно.

— Оттуда. — Помощник воздел вверх указательный палец.

— Велико... Что???

Я посмотрела на потолок каморы.

«Низковаты тут, все-таки, потолки» — Пронеслась неожиданная и ненужная сейчас мысль.

— Оттуда? С корабля, что ли?

— Да.

— Что за сигнал?

— Они просят помощи.

— Помощи? У нас? Они еще не улетели? И чем мы им отсюда можем помочь? — Я нервно хихикнула. — Чего конкретно они хотят? Волшебного пенделя, для ускорения?

Вместо ответа парнишка посмотрел на дно стакана и по-

косился на горбуна. Тот выразительно склонил голову в сторону кувшина с водой. Мол, ножки есть, сам доберёшься.

Помощник глубоко *всопнул*, бросил на кувшин такой безнадёжный взор, будто тот находился за горизонтом и перевёл взор на Ваману... Тот закатил глаза под лоб.

Интересно было наблюдать за этой дуэлью. Я даже задумалась, на кого мне поставить, но помощник неожиданно решил сдаться. Вздохнул печально, сунул стакан обратно мне в руки и заявил.

— Тебя ждут в Центре.

О, сколько раз в день я слышала эту фразу. Если когда-нибудь я возжелаю создать свой клан, и понадобится герб, то девизом на гербе будут эти слова. «Меня ждут в Центре».

Меня ждали там по утрам и вечерам. Очень часто ждали днём, и иногда даже ночью. Меня начинали ждать в этом грешном Центре сразу же, как только я выходила оттуда.

Первое время, слыша эти сакральные слова, я ловила себя на мысли — «А как они тут до меня жили?» Но потом поняла, что я тут, собственно, не особо то и при чем. Они просто не умеют жить без контроля.

Нянька и Урлиг цепко держали тут всех за горло и шкуру, тыкая провинившихся носом.

Приходилось приучать их к самостоятельности. Поначалу я проводила планёрки, распределяя задачи и назначая ответственных. А потом научилась рывкать — «Сам решай» и смываться, пока обрывканный не опомнился и не начал каню-

читать, что он человек маленький и такая ответственность ему не по плечу.

Подобные вещи я пресекала на корню, объясняя ноюще-му, что у нас все люди большие.

Слишком мало нас было, чтобы позволить себе маленьких людей.

Разумеется, решать кого-то глобальные вопросы в одиночку я не заставляла. Но где взять рабочих для доставки леса это пусть голова болит у того, кому этот лес нужен. И неважно, что строиться из этого леса будет общественное здание. Ты назначен главнюком, вот и шевели руками, ногами и извилинами. Бегай, ищи, уговаривай.

Да, народу на все наши планы катастрофически не хватало. Хотелось сделать многое, но ещё больше сделать было необходимо.

Из уров осталось человек пятьдесят. Два десятка помощников, более-менее чему-то обученных. Из горожан взяли только молодых. И это особенно бесило. Сманили глупышей новыми мирами, наобещали груды сокровищ, а теперь вот, получается, болтаются в великой пустоте, не пришей к осине дуб, пока у нас тут кадровый голод.

Оставшиеся горожане были плотно заняты собственной работой, впахивая за себя и за того парня. Рук не хватало. А в это время над нами висело полторы тысячи бездельников, и они просили помощи.

Каюсь. Чувство злорадства было первым, что я в тот мо-

мент испытала.

В центре меня давно уже никто не встречал. Красавчик, то есть, Марий, был занят плотнее всех остальных. Пахал двадцать четыре на семь. Когда бы я ни приходила в Центр, он был на боевом посту.

— Ты вообще спишь хоть иногда? — Проворчала я, входя в камору. И тут же ощущение дежа-вю тукнуло меня по темечку. Где-то я нечто подобное уже слышала. Совсем недавно. Буквально полчаса назад.

— Сплю. Не беспокойся. И даже высыпаюсь. В отличии от тебя.

— Марий развернулся с креслом и широко улыбнулся.

— Я же предлагал тебе камеру. Тридцать поворотов, и ты снова свежа и прекрасна.

Поворотами в центре называли один оборот секундной стрелки. Оборот минутной, или час, назывался кругом. Просто и незатейливо, если забыть, что стрелок на местных часах было целых семь.

А в камере время замедлялось. Тридцать минут в ней равнялись почти семи часам. Но спаньё в герметично закрытой капсуле меня совсем не привлекало.

— Спасибо. Что-то не хочется.

Я плюхнулась на выкаченное Марием кресло.

— Жутко в этих ваших камерах. Как в гроб ложишься. И сны там... нехорошие снятся.

— А это тебе травок попить надо. Аввы поесть.

— Попробуй, найди эту авву сейчас.

Я печально вздохнула.

— Консервированная еще есть. Вяленой немного осталось.

— Это детям и больным. Осенью мы неплохо гульнули. До сих пор похмелье.

Я здорово сглупила несколько месяцев назад, устроив Праздник Дружбы народов.

Танцы с бубнами вокруг дикарей обошлись недешево. А с учётом того, что космические эмигранты нехило опустошили наши закрома, так и вовсе неоправданно дорого.

Зима далась нам очень тяжело. И если не Марий даже не знаю, как бы мы выжили.

— Зря ты так. Расходов было не так уж и много. Эти запасы все равно бы нас не спасли. А вот козы, которых дикари пригнали, очень даже выручили. И травы, которые они принесли, тоже пригодились. Так что с праздником ты здорово придумала.

— Нам за этих коз еще платить и платить.

— Расплатимся. Лекарственный цех не выпотрошили. Видимо, рассчитывали на корабельную базу.

— Если я правильно поняла, то они там не только на базу рассчитывали, но и на весь корабль в целом. Чего они хотят? Я думала, они давно уже свалили к своему Эльдorado.

— Кто хочет? К чему... свалили?

Мы с Марием устали друг на друга.

— Тебе не доложили?

— О чем?

— Да о сигнале. Ты что, не в курсе? Нам тут с корабля позвонили. Видимо, доставку хотят заказать.

Я всегда начинала нести несусветную пургу, когда нервничала.

— Доставку? С корабля? Сигнал?

Марий схватил меня за руку.

— Нам срочно надо в рубку.

Он тащил меня за собой, а я трепыхалась в его крепкой руке, как маленький белый платочек.

— Откуда ты узнала про сигнал?

— Помощник сказал. — Пропыхтела я.

— Сколько времени прошло?

— Полкруга. Чуть больше. Так что думаю, нам можно немного сбавить скорость. Вряд ли они там на линии висят. Марий!

— Последнее слово я почти прохрипела.

О Боги, дайте мне крылья или сдохнуть. Кто придумал строить эти каморы так далеко друг от друга? Не могли комплекс этажей в десять забаббахать? С лифтом. И в лифте чтобы скамеечки.

Вместо ответа парень подхватил меня на руки и прибавил скорость. Ну, тоже приемлемо.

Вокруг каморы обозванной рубкой собрались все уры и помощники. Они одновременно повернули головы в нашу сторону и расступились, пропуская внутрь.

— Когда пришел сигнал? — Спросил Марий, не спуская меня с рук.

А я, раскрыв рот, оглядывала помещение. Такого я здесь еще не видела. Синие, голубые, белые виртэкраны висели друг за другом. По стенам пробежали разноцветные змейки, собранные из светящихся точек. Здесь даже пол светился и свет этот уходил в глубину. А оттуда поднимались странные символы. Поднимались и таяли, уступая место новым знакам.

За огромным полупрозрачным столом сидел Охотник. В дырчатом шлеме, очень напоминающем дуршлаг. Таком же полупрозрачном, как и стол.

Время от времени он прижимал средний палец к налобной пластине и монотонно повторял. — «Странник, Странник, мы вас не слышим. Повторите запрос. Странник».

Марий шагнул к столу, слегка наклонился и тут, с удивлением, заметил меня на собственных руках. Сказал: «Ой», осторожно поставил на пол и отодвинул в сторонку. А потом постучал по шлему Охотника.

— Аллё, трамвай.

Мои туповатые шутки и словечки очень быстро прижились в народе. Почему-то люди учатся всяким глупостям гораздо быстрее и охотнее, чем чему-то путному.

Ур поднял взгляд. Моргнул и пододвинул Марию голубой планшетик, продолжая настучивать себя по лбу и бубнить. «Странник, Странник».

Марию хватило пяти секунд, чтобы прочитать запись. Но мне эти пять секунд показались вечностью. Я еле сдержалась чтобы не вырвать планшет.

— Сигнал был круг назад. Очень слабый. Расшифровали два слова. «Бедствие» и «ждем».

— Чего они ждут?

Марий посмотрел на меня с таким видом, будто ждал ответа на этот вопрос именно от меня. Плохо, все-таки, быть самым главным главнюком. Сложно это. Да и не хотела я. Это они заставили. И подставили. А теперь валят все на бедную меня. Нашли, понимаешь, Великого Кормчего. Я тут с комплексными обедами в школьной столовой разобраться не могу, а они на *космоса* кидают. Нет уж, ребята тут давайте сами. Я человек маленький, космосам не обученный и вообще я там стирку затеяла.

— Читай.

Марий протянул планшет.

— Думаешь, я что-то еще там вычитаю? — Буркнула я.

— Читай.

Я пробежала глазами по сообщению.

— Двенадцать. Два, Четыреста семьдесят два о вр. п. Восемнадцать. Пять, тридцать три. Это что?

— Это дата и время. Сообщение читай.

Прохххх... вахххх... хр..пф.

Я прочла этот набор букв еще раз. И еще. И поняла зачем Марий заставил меня читать это.

Только сейчас до меня дошло, что там, в сотнях километрах от нас, в черной бездне терпят бедствие наши люди.

Люди!

Наши!

Те, которых мы любили, с кем обедали за одним столом. С кем решали текущие проблемы и строили дома.

Да, они нас бросили. Но это не имело никакого значения.. Если они не смогли улететь за полгода, то, значит у них там что-то серьезное. И сейчас надо было думать, как им помочь. Наизнанку вывернуться, но спасти этих горе астронавтов. Потому что жить дальше, понимая, что над тобой медленно и мучительно умирают твои друзья, было абсолютно невозможно.

Я опустила планшет и посмотрела прямо в глаза Марию. Думаю, он увидел то что хотел, потому что губы его озарила мягкая улыбка. Так похожая на улыбку Урлига.

Глава 5 Одна голова хорошо, но с телом лучше.

— У кого какие предложения?

Председательствовал на собрании Марий. Городом распорядилась я. Но Центр и уров целиком и полностью удалось спихнуть под его чуткое руководство.

Ответом был тишина.

Меня на собрании, собственно, как бы и не было. Нечего мне было тут делать. Не то чтобы я тут права голоса не имела. Я тут все имела. Вся база была моим личным и неотъемлемым имуществом, купленном за пару тонн ценнейшего и редчайшего во всей вселенной минерала. Но я не знала всех технических возможностей Центра и посоветовать в данной ситуации, ничего не могла. Просто стояла в проеме и слушала. Слушала тишину. Мертвую тишину. Хватило меня ненадолго.

Я хлопнула ладонью по косяку так, что все уры вздрогнули, и прошла к столу.

— Так ребятки, — я обвела собрание грозным взором. — Я понимаю, что не в курсе, что у вас тут интересного есть. Раз вы так упорно молчите, то видимо с техникой у нас совсем небогато, но мне нас. ать. Сейчас вы будете накидывать любые, самые сумасшедшие идеи. Вы лучше знаете, и собственные ресурсы и возможности корабля. Так что начинайте фонтанировать и ни в чем себе не отказывайте. А я пока пойду, свои возможности задействую.

Из своих возможностей у меня была только способность летать. Ею я и воспользовалась, завалившись в своей старой камере на кровать и отпустив душу на волю.

Можно было бы просто послать зов, и мои друзья прилетели бы из любого далека. Мыслесвязь у нас была налажена четко и сбоев не давала. Но мне так хотелось немного

полетать. Да и любопытно было, чего там эльфы *нарóстили* за полгода. Последнее время сверхплотный график не давал мне такой возможности. В конце концов, имею я право на выходной или нет?

Холодный мартовский ветер подхватил меня и закружил, радуясь встрече. Я раскинула руки и отдалась его стремительному потоку, любуясь, как изменяются облака надо мной.

Внизу проплывал густой лес. Время от времени появлялись скалы с плоскими вершинами, проплешины полян и мелкие озера. Искрами вспыхивали лужицы. Будто кто-то щедрой рукой раскидал по всему лесу алмазы.

Я не боялась, что ветер унесет меня далеко. Найти дорогу я сейчас могла из любых далей. Вдоволь надышавшись свежестью и прохладой, я соскользнула с крыльев моего приятеля и в пару мигов долетела до высоченных сосен, которые окружали волшебный город самых невероятных существ этого мира.

Каждый раз этот город был другим.

— Я принесла тебе яблоко. Выбрала самое спелое, чтобы ты смогла насладиться его ароматом.

Я и наслаждалась. И ароматом, и красотой моей подружки и новым местом, которое она выбрала для нашей беседы.

Мы сидели на огромном листе посреди небольшого озера, вода в котором была настолько прозрачна, что возникало

удивительное ощущение — будто мы парим в воздухе, оторвавшись от земли.

Под нами неторопливо проплывали неоновые рыбки, мерцающая в глубине, словно крошечные светлячки. На дне плясали радужные блики — солнечные лучи, пробившиеся сквозь водную гладь, дробились и переливались всеми оттенками спектра.

А из воды то и дело выныривали прозрачные змейки. Невесомые, почти призрачные создания. Они кружились вокруг нас, то сбиваясь в изящные стайные узоры, то взмывая вверх и образуя миниатюрные вихри, похожие на крошечные водяные смерчи. Их тела ловили свет и мерцали, будто сотканые из жидкого хрусталя.

— Они живые? — тихо спросила я, заворожённо следя за их танцем.

Золотая, улыбнувшись, ловко поймала одну из змеек в полёте — и та в её ладони мгновенно разлетелась на тысячу сверкающих алмазных брызг, рассыпавшихся в воздухе и медленно оседающих обратно в воду.

— Ого! Как вы это делаете?

— Дети играют.

Эльфа махнула рукой вверх. Прямо над нами порхали три малыша. Увидев, что мы их заметили, они весело защелкали и спустились вниз. И я снова растеклась киселём перед их обаянием.

— Надо же, какие вы им игрушки придумываете.

— Весь мир — это большая игрушка. Только другого у нас нет и играть с ним надо очень осторожно. Он такой хрупкий.

Один из эльфят протянул свои лапки над водой, пошевелил полупрозрачными пальчиками и из озера поднялась перевернутая капля воды. Скорее даже каплица. Литров на десять. Рядом с ним встал второй, поколдовал, и вокруг капли распустились огромные лепестки.

Я аж застонала от восторга и подняла руки к цветку. Тот поплыл по воздуху рассыпая вокруг себя радуги и... Обрушился на меня, припечатав к листу.

Эльфята замерли, а на очаровательном личике Золотой мелькнула растерянность.

Вода, даже холодная, никак не могла мне навредить. Тем более что за мгновение перед душем я представила как цветок проливается на меня великолепной радугой. Но всё равно это было неожиданно.

Пару мгновений я любовалась непривычным выражением на лице эльфы — спесью испуга и затаённого веселья, а потом расхохоталась.

Взрыв вверх, я с размаху рухнула в озеро. Разноцветные рыбки, застигнутые врасплох, ошалело разлетелись в стороны, вихрем взметнув облачка песка со дна. Я, не останавливаясь, взбаламутила песчаное дно и, оттолкнувшись от воды, вылетела обратно на воздух, вся в сверкающих каплях, смеющаяся и счастливая.

— Ю-у-хуууу! — завопила я. — Как здорово!

Эльфята, радостно щебеча, закружили вокруг меня, а Золотая облегченно улыбнулась.

Вдоволь накувыркавшись в воздухе с чудными детьми, я опустилась на лист.

— Это и правда было великолепно. Я будто от батарейки зарядилась. Вода просто волшебная.

— Под этим озером природный магнит и много минералов. Вода здесь и правда не совсем обычная. Она проходит сквозь трещины и изменяет свои свойства. Я принесу её тебе, когда ты вернешься в свое тело. Кстати, как оно там? Всё ли с ним в порядке и что нового у вас произошло?

Эти вопросы не были обычной вежливостью, когда спрашивающему глубоко фиолетово и на вашу тушку, и на её здоровье, и на то, что происходит в твоей жизни. Эльфы были прямолинейны и откровенны. И если уж о чем-то спрашивали, то значит, их это и в самом деле очень интересовало.

Я глубоко вздохнула, довольная тем, что мои приятели так обо мне беспокоятся.

Я говорю «приятели», потому что разговаривать с одним эльфом, значит — разговаривать с ними всеми. Эти странные существа были одновременно и отдельными личностями, и роем с единым разумом. Как им это удавалось, ума не приложу. И никому не советую прикладывать. Так и с этого самого ума можно сойти.

— Много чего происходит. Школу достраиваем. Учителя нужны. Пойдете к нам на полставки?

— Куда нам пойти? — Удивленно спросила Золотая.

— Неважно. Хотя, учителя нам и правда необходимы.

Сможете чем помочь?

— Ты знаешь нашу цену.

— Ой, опять цена. А просто, по-дружески, помочь никак?

Это и в ваших интересах, между прочим. Вам же приятнее будет жить с образованными соседями. Более совершенными. — Подколола я, вспомнив свой разговор с первым эльфом, встреченным мной в этом городе.

Эльфочка улыбнулась и склонила голову. Я не поняла, было ли это согласиём или нет. Сейчас меня волновал совершенно другой вопрос.

Собираясь с мыслями, я опустила руку в воду и пошевелила пальцами. Вокруг моментально собрались любопытные рыбки, но стоило мне попытаться поймать самую наглую, как они порскнули во все стороны, сверкнув разноцветными спинками.

— Вы же знаете, что часть наших улетели на корабль, который находится там.

Я ткнула пальцем в небо.

Золотая кивнула.

— Да. Мы были у вас, когда они улетели. Нам пришлось потрудиться, чтобы восстановить тебя. Кто-то еще хочет улететь?

— Может и хочет кто-то. — Задумчиво пробормотала я.

— Только улететь уже не получится. Не на чем. А надо.

— Кому надо?

— Мне.

— Ты собралась улететь с ними на другую планету? Ты ведь не хотела. Что случилось?

Эльфы скупы на эмоции. И то, что моя Золотая заметно разволновалась, говорило о многом.

— Никуда я не собралась. Мне до корабля добраться надо. Что-то у них там случилось. Улететь никак не могут. Возвращать надо.

— Но они же вас предали.

Еще полгода назад я считала точно так же. Но потом я часто думала обо всем, что произошло. Вспоминала слова Урлига. Его тоску и скрытый страх. Представляла себя на его месте. И мне тоже становилось страшно и тоскливо. Я бы не хотела пролежать сотни лет в герметичной капсуле, в полнейшем одиночестве, ожидая смерти. Хватило бы мне терпения так носиться с единственной надеждой на спасение, которая капризничает и *выёживается* при каждом удобном случае? Представила себя со стороны и мне немедленно захотелось меня придушить.

Я ловила себя на мысли, что начинаю понимать Урлига. Понимать его отчаяние, его тихую, но всепоглощающую боль. Черт возьми, да я почти чувствовала себя им! И это было... пугающе. Как будто я заглянула в бездну, и бездна... подмигнула мне! Вот черт, это как раз то, чего мне тогда не хватало! И так не жизнь, а сплошная драма, а теперь еще

и эмпатия с привкусом экзистенциального кризиса? Да это, как если бы я заказала себе пиццу с пепперони, а получила сверху еще и таракана. Незванный, мрачный, но, что самое забавное, вполне себе... понятный. Очень близкий по духу моим собственным тараканам, с таким комфортом разместившимся в моей голове.

— Никто никого не предавал. У них была цель. Миссия. И они должны были её выполнять. Об этом только и думали. Так что давай не будем о грустном, а подумаем, как к ним попасть. Связаться не получается. Вы можете помочь мне долететь до корабля?

— Каким образом? Мы можем летать только по воздуху. Я говорила уже, что сил у нас мало. До островов добраться не можем, а про космос даже и не мечтай.

ОТЧЕТ 4 22 октября

Двадцать второй день десятой луны

База «Визиг» Территория горного шельфа условное название «Вершина мира».

Объект исследования:

Природный тоннель протяженностью три тысячи сто двадцать семь метров.

Цель исследования:

Изучение геологических характеристик и особенностей формирования тоннеля. Исследования на предмет возможных природных аномалий.

Методология исследования:

Визуальный осмотр. Отбор пород. Геодезические измерения. Фотофиксация. Локализация отобранных проб и подготовка к лабораторным исследованиям.

Результаты визуальных исследований:

Равномерная форма сечения. Отсутствие ответвлений. Плавные изгибы. Минимальная изменчивость параметров.

Рекомендации.

Необходимо дополнительное геофизическое оборудование для исследования структуры пород.

Первый задумался. Отправляясь в эту экспедицию, он очень торопился.

Торопился уйти из Города чтобы не видеть её. Не видеть её образ, сотканный из солнечных лучей, игравших в её волосах, и тихой мелодии её смеха, звеневшей в его памяти, словно колокольчик на ветру.

Не ожидать встречи с ней, поворачивая за угол или входя в столовую.

В спешке он оставил многое из того, что могло бы сейчас пригодиться. Но разве можно было думать о деталях, когда сердце рвалось на части?

Сейчас, в этой глуши, окруженный безмолвными скалами, он ощущал свое одиночество особенно остро.

Вспомнилось, как однажды, сидя на берегу реки, она рисовала его портрет углем на клочке бумаги. Рисунок давно потерялся, но в памяти навсегда остался след от её пальцев,

перепачканных углем, и ласковый, чуть печальный взгляд. Тогда, казалось, впереди целая жизнь, полная радости и надежд. Наивные мечты, развеянные временем, как дым костра.

Глаза закрылись, и он снова увидел её. Тонкие пальцы, играющие с темным локоном. Тень от ресниц на бледных щеках

Ему казалось, что он бежит не только от нее, но и от самого себя, от того счастливого человека, которым он был рядом с ней. От человека, который верил в вечность их любви, в нерушимость их маленького мира. И сейчас, посреди этой безмолвной каменной пустыни, он понимал, что бегство не поможет. Призраки прошлого не давали забыть о том, что утрачено навсегда.

Глава 5 То, что выше облаков

«В безмолвной пустоте космоса дрейфовал исполинский остов некогда величественного корабля. Его металлические рёбра, когда-то покрытые сияющей обшивкой, теперь были изранены микрометеоритами и космическим излучением.

Обшивка местами вспучилась и деформировалась, словно кожа древнего монстра. В нескольких местах зияли чёрные дыры пробоин, из которых в безвоздушное пространство вырывались тонкие струйки замерзшего газа. Солнечные панели, некогда гордо развёрнутые к звёздам, теперь безвольно повисли, словно сломанные крылья.

Очертания корпуса искажались в причудливой игре света и тени. В одном из иллюминаторов можно было разглядеть застывшую навеки картину — словно фотографию последнего мгновения жизни: приборы на приборной панели показывали критические значения, а в глубине отсека виднелись контуры кресел, в которых когда-то сидели члены экипажа.

Вокруг корабля медленно кружили облака космического мусора — обломки, отделившиеся при катастрофе. Время от времени по корпусу пробегали слабые электрические разряды, оставляя за собой призрачное сияние в вакууме.

В главном ангаре застыли наполовину открытые шлюзы, словно корабль пытался что-то выпустить перед смертью. Внутри виднелись контуры спасательных капсул, так и не успевших отделиться от корпуса.»

Уры наши мальчишки дотошные. И всё, что они вытащили из моей бедовой головы, было аккуратно разложено по полочкам. Не подумайте, что я про мозги говорю. Начинка вся на месте. Это я просто не так выразилась. Прошу прощения. Все, что было вытащено из моей памяти, было разложено по полочкам. То бишь, файлам. И так же аккуратно подписано.

В папку «очень личное» я даже не полезла. Побоялась. Слишком хорошо представляла себе, что там может храниться. К слову, папочки «Любовь» и «Секс» были представлены отдельно. Туда я тоже не полезла. Беречь душу, и без того изодранную в клочья, воспоминаниями о былых любовях, не было никакого желания.

Ну а с сексом не было никаких проблем. Все случилось тихо, незаметно и, как бы, само собой.

Долгие посиделки с Марием за планированием будущего нашего Города логично перешли в *полежалки*. Частенько мы, засидевшись допоздна, заваливались вдвоем на приставленные друг к другу кресла, не в силах расползтись по собственным каморам. И засыпали, согревая друг друга собственными тушками. А однажды не уснули.

Я лежала без единой мысли и не замечала, как из глаз кажутся слезки. Это заметил Марий.

Сначала он осторожно коснулся моей мокрой щеки пальцами. Потом губами.

— Всё будет хорошо. — Прошептал он.

— Куда оно денется. — Шепотом же ответила я и поцеловала парня.

Я мечтала отогреть не только тело, но и душу. Страшила первая в этом мире зима. И огромная ответственность за Город. Хотелось спрятаться за чьей-нибудь широкой спиной и выглядывать из-подмышки, в полной уверенности, что все проблемы за меня кто-то решит.

На следующий день Марий немало насмешил меня, подсунув за обедом расписание наших встреч.

— Это что?

— Тут же написано.

— Ты вот это серьезно?

— Вполне. А что тебя так удивляет, дивная? Мы с тобой очень заняты, но заниматься любовью тоже нужно. И даже необходимо. Долгое воздержание влечет за собой негативные последствия. Гормонального и психосоматического уровня. И реальные проблемы со здоровьем, такие, например, как...

— О-о. Лучше не надо. Терпеть не могу лекции. У меня от них психосоматика страдает и гормоны падают. Я тебя услышала. *Секас* нам необходим. Но, что, если я опоздаю? Или

вообще не смогу прийти? Отменишь занятия или без меня начнешь?

Марий сначала аж задохнулся от возмущения. Но потом подумал, хохотнул и ответил.

— Если ты будешь сильно опаздывать, то мне придется вызывать срочную помощь. Молодых помощниц в Центре пока еще хватает. Буду использовать служебное положение в условиях ограниченной среды.

— Ах ты...!!!

Я смяла расписание в трубочку и шлепнула им парня по лбу.

— Я те покажу ограниченную среду. И ограниченный понедельник тоже.

Марий схватил меня за руку, чмокнул в запястье и прошептал на ушко.

— Ты, все-таки, постарайся не опаздывать.

Но я опять опаздывала. Время перевалило за полночь, а я читала давно забытые книги по научной и не очень фантастике. Точнее просматривала. Меня очень интересовала тема космоса и всё, что с ним связано.

«Магнитное поле корабля давно угасло, и теперь его обступали рои космической пыли и микрочастиц, медленно оседающих на остывшем металле. В глубинах пустых отсеков эхом отзывался лишь свист просачивающегося в пробоины космического вакуума.

Этот космический левиафан стал вечным памятником человеческой смелости и одновременно напоминанием о том, насколько беспощадной может быть космическая бездна.»

— Жуть какая. — Вздохнула я, дочитав абзац. — Но самое жуткое в этой жути то, что она мне никак не поможет. Как, чёрт бы его побрал, добраться до этого грешного корабля? Вот в чём вопрос.

По какой причине наши фантасты упустили из виду принцип полётов в космос вручную, я не знаю. Ни одна зараза не подумала о такой необходимости. А я теперь должна мучиться.

После того как Золотая отказала мне в помощи, я решила попробовать добраться до корабля самостоятельно.

Где были мои мозги в тот момент, не знаю. Видимо, остались в тушке.

Не успев пролететь сквозь купол города эльфов, я рванула наверх. Облака, проскользнув мимо в полсекунды, протянули за мной турбулентные лапки, пытаясь предостеречь от грядущих опасностей. Но я не вняла их молчаливому предупреждению.

Сразу за облаками меня накрыла тьма.

Тут было холодно. Холодно, пусто и страшно. Даже не страшно. Жутко. Настолько, что хотелось выть. Но для этого

нужен был воздух. А его тут не было. Вокруг не было вообще ничего. Я не видела звёзд и не помнила направления, откуда прилетела. Паника заполняла меня, как грязная вода старый заброшенный колодец. Она уже лилась через край, заполняя собой мой мозг. Из ушей хлестало. У меня не было тела, но я задыхалась.

— Дерево, помоги мне. — Прошептала я, ни на что не надеясь.

Но Дерево помогло. Я вспомнила его и будто воочию увидела. Таким, каким оно когда-то было. Высоким, прекрасным и добрым. И сама память о его доброте наполнила меня теплом. Я расслабилась, улыбнулась и... Открыла глаза.

От страха я отключила все свои чувства.

О Боги, нельзя же быть такой трусихой. Так и помереть недолго.

Я огляделась.

Далеко внизу овечками паслись кучевые облачка, а мимо меня проплывали едва заметные ленты из серебристой пыли и крошечных кристаллов.

Зрелище было прекрасным, но долго любоваться им было некогда. Успею еще. В другой раз.

Я попыталась подняться выше, но не преуспела. Будто уставшего пловца, меня тянуло вниз. Я барахталась в слое хрустальных игл, пока не начала задыхаться.

И я сдалась. Легла на воздух и начала медленно падать на спинки небесных барашков.

Дома Марий потребовал подробнейший отчет. Не просто рассказать, а записать на сферу, по всем правилам. То есть, сидя в удобненьком адаптивном кресле с нейрошлемом на голове.

Начать пришлось с собственной каморы. Нейропорты сканировали мою бедную головушку и визуализировали воспоминания на голографический проектор.

Очень интересно было просматривать всё, что со мной случилось. Но Марию было еще интереснее.

Он смотрел на экран раскрыв рот. А там порхали водяные змейки и эльфыта. Сказочное зрелище. Я понимала Мария, как никто.

— Ух. — выдохнул парень, когда кино закончилось. — Как же скучно я живу.

— Понравилось?

— Еще бы. Ты меня удивила. Иметь такие возможности и сидеть в этом замороженном болоте.

Марий закинул руки за голову и откинулся на спинку кресла.

— Я бы на твоём месте давно улетел куда подальше. — Мечтательно произнес он.

— В том то и дело, что я не на своём месте. Я на месте несчастной дочери Корма. — Вздохнула я печально. — Кстати, как он там?

— Нормально. Процесс идет. Нейронка реконструируется. Запись идет в реальном времени. Реальном для него, ко-

нечно. Твои друзья — это нечто. Создать такое чудо.

Марий покрутил головой.

— А можно как-то ускорить этот процесс?

— И так ускорен. Куда уж быстрее. Нельзя слишком торопиться. Тебе ведь нужен Корм, а не еще один безымянный.

— Не-не-не. — Замотала я головой. — Я готова ждать сколько надо. Лишь бы он вернулся. Как вообще эта мистика происходит?

— Ты о чем?

— Считка, восстановление. Как можно убрать из мозгов информацию, а потом вернуть все обратно? Я, конечно, восстанавливала память своего прежнего тела, но, думаю, у нас немного разные технологии. Да и тушка моя так тушкой и осталась, несмотря на все старания. Как вы там всё стираете-записываете? Это же мозг, а не текстовый файл на пару байтов.

— Гормональный удар. Адреналиновый выброс. Знаешь, говорят, что перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь. Вот тут нечто подобное и происходит. Только гораздо мощнее. Высвобождаются даже те воспоминания, которые были затерты. Мозг в принципе не способен избавиться ни от какой полученной информации. Как и на цифровых устройствах, где данные невозможно удалить полностью, нейронные паттерны остаются навсегда, словно отпечатки пальцев на молекулярном уровне

Дендритные связи формируют сложную сеть, где каждая информация закодирована в уникальных паттернах активности нейронов. При этом механизм забывания работает не как удаление, а как подавление доступа к определённым участкам памяти.

В твоих файлах мне попался эпизод, когда ты не могла выехать из поселка из-за лесного пожара. И ты вспомнила номер телефона соседей твоей матери, которым пользовалась один раз в жизни несколько лет назад.¹

— Да. — кивнула я. — Что-то такое припоминаю.

В условиях экстремального стресса происходит активация глутаматергической системы. Мозг словно сбрасывает все блокировки, открывая доступ к архивам памяти. Это объясняет феноменальные случаи, когда люди в критических ситуациях вспоминают давно забытые детали.

Для активизации нейронов мы искусственно создаем стрессовую ситуацию электромагнитной атакой. Но мгновенное извлечение всей информации приводит к феномену нейронного перегруза.

Подобно тому, как при перегрузке электрической цепи срабатывают предохранители, в мозге активируются защитные механизмы. Синаптические связи начинают разрушаться, чтобы предотвратить полный коллапс нейронной сети. Этот процесс напоминает квантовый сброс — когда система возвращается к базовому состоянию, чтобы сохранить свою

¹ Реальный эпизод из жизни автора.

целостность.

Интересно, что при таком «сбросе» не происходит полной потери информации. Она остаётся закодированной в структуре нейронных связей, но становится недоступной для сознательного воспроизведения, словно файлы, скрытые в глубинах повреждённого жёсткого диска.

А обратный процесс?

— Это немного сложнее и намного дольше. Как ты восстанавливала память своего тела?

— Я будто пазл собирала. Одна картина, разорванная на миллион кусочков. И надо составить их так, чтобы все края идеально сошлись.

— Ты пошла наиболее сложным путем. Сначала следовало восстановить нейронную матрицу.

— *Понел.* — Кивнула я. — Буду знать. В следующий раз именно с этого и начну.

— Не ёрничай. Я сам по своим мозгам не разгуливал, да и в чужие не попадал, но, судя по всему, ты максимально упрощаешь сложные химические процессы, облекая всё в понятный тебе видеоряд. Так вот, для начала стоит воссоздать синоптическую сеть. Она, как каркас, в который тебе останется только встроить воспоминания.

— Ты же сказал про нейронную матрицу.

— Давай я не буду тебя путать. Как говорят наши программисты — «Работает — не трогай» Делай, как тебе проще. Понемногу разберешься, может, и нам чего объяснишь.

Может и объясню. А пока ты продолжай. Очень интересно, как оно всё, по-научному, происходит.

— Там уже нейропластика. Стволовые клетки создают новые нейронные пути. Аксоны, тонкие отростки нервных клеток, начинают прорастать, формируя новые связи. Синаптическая сеть перестраивается, создавая альтернативные маршруты передачи информации. Дендриты соединяются и образуют новые контакты, а нейромедиаторы начинают работать в усиленном режиме, обеспечивая передачу сигналов. Все поняла?

— Кх-м. — сказала я. — Частично.

Марий довольно улыбнулся.

Если проще, то считка это как удар по вазе. Куски побольше, куски поменьше и совсем крохотные. Есть совсем микроскопические, но даже пылинки не исчезают. И задача мозга склеить эти кусочки. Восстановить нейронные связи. Но мозг может и заблокировать большую часть информации. Обычно человек потерявший память, все-таки, помнит базу. Язык помнит. Как ходить, есть, как себя вести в обществе. Только при моментальной и глубокой считке он превращается в овощ.

— Как Корм?

Нет. Слава Звезде, не так. Нянька собиралась держать тебя на крючке, возможностью его восстановления, а не облить окончательно, не оставив Корму никакого шанса. Она разрушила его лимбическую систему. Попросту — разорва-

ла связь с реальностью. Протонное сканирование показало, что у него очень низкий процент критичных участков. И сейчас идет то самое нейропластическое восстановление. На данном этапе всё зависит только от него. Ну и поддерживающая терапия. Его почти сразу поместили в камеру и начали восстановительные процедуры. Так что с ним все будет в полном порядке. Не волнуйся.

— Я перестану волноваться, когда он сядет со мной за обеденный стол и начнет хвалить луннину стряпню.

— Сядет, будь уверена. Скучаешь по нему?

— Скучаю.

Я стянула шлем с головы и положила его на пол рядом с креслом. Гибкие сервоприводы крутанулись и перевернули шлем. Марий, который не терпел беспорядка ни в чем, укоризненно на меня посмотрел, шлем поднял и поместил его в крепёж на спинке кресла.

— И что там с моими полетами? — быстренько перевела я тему, пока не началась лекция о необходимости аккуратного отношения к вещам, и особенно, к высокоточным приборам.

Он постучал ногтем по креслу, прямо над моим ухом и вздохнул, видимо решив, что поводов для лекций я ему дам еще немало.

— Если я ничего не путаю, то ты побывала в мезосфере. Тебе просто цены нет как полевому исследователю.

— Я в любом качестве бесценна. — Гордо заявила я. — А что такого таинственного в этой сфере? Я кроме льда ничего

не обнаружила.

— Это самая сложная для исследований часть земной атмосферы. Для зондов там воздуха слишком мало, а для космических механизмов слишком много. Ну а снаряды пролетают мимо слишком быстро. Не хочешь зондом поработать?

— Давай как-нибудь потом. Недосуг нынче. Что вы там решили на собрании?

— Пока ничего толкового. Пара идей есть, но с ними надо хорошо поработать.

— И что за идеи?

— Давай как-нибудь потом. — Усмехнулся в ответ Марий. — Прежде чем есть мясо, его надо хорошо приготовить.

— Ладно, готовь, кулинар.

Я встала и похлопала Мария по плечу. Он перехватил мою руку, сжал в ладонях и подул.

— Ледышка совсем. Замерзла.

— И замерзла и голодная. Давай в едальню сходим. Может наскребут мне тарелочку еды.

— Не надо куда ходить. Я тут припас тебе каши.

— Ыыыы. — Заныла я. — Опять каша-а. Не могу я её, проклятую есть. Хоть бы хлебушка кусочек.

— Надо, дивная, надо.

Марий достал судочек и принялся деловито накрывать на стол. Расстелил салфеточку и аккуратно расправил складочки. С хлопком открыл крышку судка и от каши повалил пар.

— Горячая еще. Давай, садись.

Марий отколулнул от крышки ложку, протер её и с поклоном подал мне.

— Нижайше прошу отведать наше угощение.

Я засопела, выхватила ложку и села за стол. Знает, паразит, что я на злости любую стену протараню. И знает, как меня вывести.

Я ненавидела, когда он давал понять, что смотрел мои записи. Будто меня голую по всему Городу прогнали. С другой стороны, подобные записи имелись на всех уров, и я тоже имела к ним полный доступ. Уров это никак не смущало. Да и не собиралась я смотреть ничьи записи. А вот свои собиралась хорошенько почистить, но времени на это пока не хватало.

Проглотив третью ложку отвратительной серой склизкой каши, я опять вспомнила, как впервые узнала, из чего эта каша делается. Аппетита мне это не прибавило. Но навело на одну мысль.

— А где у нас Киса шляется?

— Везде. — Пожал плечом Марий. — Зачем он тебе?

— Надо попросить, чтобы он не перерабатывал продукты.

Пусть целиком приносит.

— Ты собралась есть солому?

— Зачем солому? Я мяса хочу.

— Марий хохотнул.

— Дивная, ты думаешь, что каша из потрошенных чухов делается? В ней животного белка процентов десять. Да и тот

из лягушек, мышей и рыбы. А все остальное — это ферментированные злаки вместе с соломой. Кора, очистки. Даже песка немного есть.

Я с отвращением посмотрела на ложку и положила её на стол.

— Наелась. Спасибо.

— Да брось, дивная.

Марий сел рядом со мной, пододвинув на нешироком кресле и обнял.

— Ладно, с лягушками и мышами я пошутил. Какая разница из чего сделана каша. Главное, что она питательна и безвредна. Эта еда — наш шанс дожить до нового урожая.

— А потом новый урожай мы переработаем в эту мерзость и будем давиться ею дальше.

— Нет, дивная. Мы расчистим вырубку и засеём их семенами, которые я спрятал подальше и храню. Мы будем строить новый Город и расширять посевные площади. Мы будем создавать посевные и уборочные механизмы, которые я подсмотрел в твоих записях. Обещаю тебе, наши дети никогда не узнают вкуса этой каши. И никогда не будут голодать.

Я посмотрела на Мария.

— Точно обещаешь?

— Точно. А пока будь умницей, доешь.

Я откинула голову на его плечо и взвыла.

— А-а-а.

Марий быстренько запихал в мой рот ложку полную каши.

Отчет. 5 2 ноября

Второй день одиннадцатой луны.

База «Визиг». Территория горного шельфа условное название «Вершина мира». Объект исследования. Перевальный тоннель. (Точное местоположение в отчете №1.)

Завершена сборка лабораторного оборудования. Собрана буровая установка. Проведено бурение первой контрольной скважины. Образцы переданы в лабораторию.

Начато исследование потенциально аномальной зоны, условно названной «Тьма».

Учитывая, что наибольшую вероятность происхождения аномалии вызывают электромагнитные колебания, на местном совете было решено начать изучение феномена именно с них. (Протокол совета представлен отдельно) Установлено оборудование.

1. Квантовый магнитометр.
2. Индикатор геофизических аномалий.
3. Измерители электромагнитного излучения.

Запах жарящегося мяса оторвал Первого от составления отчета.

Мужчина растер ладони, подышал на них и снова растер. Горелки плохо справлялись со своей задачей. А мощности световых панелей с повышенным КПД едва хватало для работы оборудования.

Первый откинул шкуру пса, висящую на дверном проеме,

и вышел из душной лаборатории. Ночью заметно потеплело и выпал новый снег. Первый не смог отказать себе в удовольствии полюбоваться на огромные белые хлопья. Он стоял посреди поляны, закинув голову и смотрел как снежинки создают иллюзию полета.

— Это моя душа летит к тебе. — Шептал он, не замечая, капель на своих щеках.

Глава 6 От щедрот твоих

— Я принесла тебе яблоко.

Кажется, все наши встречи с Золотой начинались с этой фразы. Только в этот раз я могла взять яблоко.

Я и взяла.

И впиалась зубами в его сочную мякоть.

— М-м-м. Волшебно. А ещё есть?

— А ты думаешь оно единственное? — Улыбнулась эльфа.

Я предпочитала видеть их в человеческом обличье именно из-за этих улыбок. Хотя их эмоции я давно ощущала без проблем, даже когда они были в своем настоящем облике.

— А можешь еще принести?

— Сколько?

— Сколько не жалко. *Дитя́м* витамины нужны.

— У тебя появились дети?

— Угу. — Я откусила огромный кусок от плода и с трудом прожевав, добавила. — Целый город детей. И все мои. Только давай про оплату пока замнем. Целого эльфенка за мешок яблок слишком жирно будет.

Золотая удивлённо поморгала.

— Когда ты так странно и непонятно говоришь я теряюсь.

— Чего ты не поняла?

— Зачем платить за яблоки? Их нам дарит Земля и мы не

можем ими торговать. Плодов очень много. Они даже пропадают. Мы будем только рады принести их вам.

Кусок застрял у меня в горле. Какая же я идиотка. Почему не спросила эльфов раньше о продуктах?

— А что у вас еще есть?

На следующий день целый ряд на рынке был просто завален разнообразными фруктами, овощами и травами. И я тоже не имела никакого морального права торговать этим богатством.

Но я стащила четыре самые большие и спелые аввы и отнесла их в камору управляющего рынком.

— Ты просто не представляешь как вы нас выручили.

Мы снова сидели на моем балконе. Мои мерзлявые приятели кутались в одеяла, из моей спальни. Пушистые пледы были хорошо прогреты единственным на весь дом, обогревателем, который высасывал всю энергию из многочисленных, но слабоватых солнечных батарей. Да и с солнечным светом этой зимой были проблемы. Почти всегда над городом висели низкие серые тучи.

Балкончик мой был почти полностью засыпан снегом. Но идти в столовую эльфы отказались. Они очень не любили ограниченных пространств.

Я уже прикидывала, что из моего хозяйства может заменить лопату, но эльфы быстро решили проблему. Вызвали небольшой смерч, который в три счета убрал снег. Не скажу,

что дочиста. Ранние оттепели сделали свое дело и всё вокруг было в наморозях и лужицах. Но эльфы предпочли балкон уютной кухне, в которой можно было развести огонь. Впрочем, огня они вообще боялись, как... огня. Дети лесов, что тут скажешь.

Пришлось вытаскивать из спальни подушки и подкладывать на замороженные сиденья.

В целом, посиделки получились очень даже лампово.

Заснеженная поляна и темные высокие сосны создавали подобие театральной сцены, а мы были зрителями в ложе. Вот только актеров пришлось бы ждать долго.

Я и сама не заглядывала сюда целую зиму.

Дом строился для покоя и уединения. Но после отлета тишина стала меня пугать.

Очень часто я засыпала в одной из камор Центра, потому что там всегда было шумно.

Днем шумели уры и горожане, которые приходили учиться. Ночью слышался шум механизмов. И под этот шум мне снилось море. Во снах оно всегда было теплым, ласковым, цвета аквамарина, как камешек, который я нашла на берегу в детстве и хранила где-то в коробке с самыми важными вещами.

Просыпалась я часто с ощущением песка на губах и соленых брызг на щеках, но такой отдохнувшей, будто и правда побывала на морском побережье, искупалась в теплой воде и как следует прогрелась на Солнышке. И с чувством острой

тоски по лету.

Эльфы с удовольствием пили мой чай с энзешной вяленой аввой.

Пили и нахваливали.

— А сами чего не вялите? Не умеете? За целую вечность не научились? — подколола я своих приятелей.

— У нас нет такой необходимости. В наших городах всегда цветут цветы и спеют фрукты.

— Здорово. — позавидовала я. — А нам вот приходится консервировать. Может, совместное производство наладим? Концерн какой-нибудь. «Огурец и сыновья»

Эльфы неуверенно переглянулись и слегка пожали плечиками.

— Мы будем приносить вам фрукты, когда они поспеют.

— Вы и представить себе не можете как я вам благодарна. Я могу что-то сделать для вас?

— Ты и так сделала много, отдав нам рестабль. Считай, что фрукты — это наша ничтожная благодарность.

Ух ты, какие политесы мы тут развели.

— А с мясом помочь можете? — Обнаглела я.

Эльфы снова переглянулись и улыбнулись.

— Помочь не можем. Но можем не мешать.

— В каком смысле — не мешать? Не мешать охотиться? Так тут не на кого. Из зверья только козы домашние да куры. Когда никогда чуха дикари притащат. Да и то копыта да головы.

И тут эльфы рассмеялись. Зрелище более редкое, чем затмение Солнца. И я впитывала в себя этот смех как песок влагу.

— Мы уже рассказывали тебе что иномирцы, только прилетев на эту планету, начали уничтожать зверей. Не для пропитания, а просто ради развлечения. Убивать и бросать трупы на месте. Это было настолько ужасно, что мы увели всех животных подальше отсюда. И с тех пор не пускали их обратно.

— О как. Так это из-за вас тут живности нет? Я-то думала зверье сбежало подальше от города. Благо есть куда.

— Да, места много. Но хороших мест немного меньше. И Город стоит на очень хорошем месте. Видимо поэтому иномирцы и выбрали его для лагеря.

— Здорово. Значит, вы снимете запрет, и звери вернуться.

— Мы можем это сделать.

— Можете или сделаете?

— Сделаем. Но с одним непреложным условием. Вы не будете убивать зверей ради забавы.

— Да я... Да мы тут... Да у меня каждый охотник на счету будет. Каждый грамм мяса лично буду проверять.

Я аж задохнулась. С трудом выдохнула и снова вдохнула.

— Ну, не каждый грамм и не всегда лично, но что охота будет строго по лицензиям, это я могу гарантировать.

Фиолетовый поднялся с места, прошелся по балкончику и остановился у перил. Осторожно потрогал высохшие ве-

точки плюща, сорвал хрусткий листочек и растёр его тонкими изящными пальцами. Серебристо-серый порошок осыпал каменную балюстраду. Тут же налетел приятель мой ветерок и навел порядок, сдув пыль в жухлую серую траву, присыпанную снегом.

Фиолетовый повернулся ко мне.

— Хочешь, мы поставим тут купол?

— Хочу. Какой купол?

Я тряхнула головой. Какой еще купол? Мы же о мясе говорили.

— Такой же, как над нашим Городом. У тебя всегда будет лето. Мы посадим тебе фруктовый сад и поможем его вырастить.

— Заманчиво, конечно. Но если это вместо зверья, то лучше не надо.

— Нет. Не вместо. Это даже не подарок. Это нужно нам. Нам не нравится холод, но нравится общаться с тобой. А ты очень редко нас навещаешь.

— Времени нет. А почему вы так любите со мной общаться?

— Даже самому совершенному разуму может быть одиноко. А ты напомнила нам о такой вещи как дружба. И помогла нам вспомнить, как прекрасно быть кому-то нужным. Ты не представляешь, какие эмоции мы испытали, глядя, как радостно жители твоего города разбирают фрукты. Мы получили большую радость, чем они сами, при виде детей, из-

мазанных соком аввы. Их смех наполнил нас новой силой, и у трёх наших особей появились почки.

— А вы без почек, что ли, живёте?

Я не особо учила биологию в школе и понятия не имела имеются ли почки у насекомых. Да и неизвестно было, насколько эльфы являются насекомыми. И имеют ли они вообще какое-то отношение к насекомым.

— Я говорю о том, что у нас появилась надежда на потомство. И нам через несколько лун понадобятся носители. Если ты сможешь их дать, то нас станет больше на три особи.

— Хой! — завопила я, подпрыгивая с места. — Это же здорово! Считайте, что один носитель у вас уже есть!

Не в силах справиться с эмоциями, я подскочила к Фиолетовому, обняла и смачно чмокнула в щеку, ощутив губами жесткий хитин. Потом эту же процедуру проделала с Золотой и с Сиреневым. Тискала и тормозила их, не забывая вопить.

— Да я сама в носители пойду! Мой первый! Я давно уже решила! Вы мне теперь должны как земля колхозу! Двоих еще найду. В крайнем случае заплачу, сколько скажут. А мамочки должны хорошо питаться. Нам белок необходим.

— Хорошо. Мы снимем запрет. Надо немного подождать пока животные это услышат и вернуться.

— Здорово. Просто поверить не могу насколько все здорово.

Я осела на диванчик едва переводя дыхание. Сердце коло-

тилось так, что казалось, его слышно в Городе. Трясущими лапками я налила себе чаю и залпом выпила всю кружку.

— Мы сделали тебя счастливой?

— Еще какой счастливой. Но я была бы ещё счастливее, если бы вы помогли мне добраться до корабля.

— Ты можешь долететь до корабля сама.

— Не могу. Я уже пробовала. Там нет воздуха, и я задыхаюсь. А еще, там очень холодно. Просто жуть как холодно.

— А разве это имеет для тебя значение?

— Оказалось, что имеет. Опытным путём выяснила.

Я передернулась от воспоминаний.

— Знаешь, я думаю, что тебе это только кажется. Это всего лишь твои страхи. На самом деле тебе не нужен воздух. И тебе не страшен никакой холод. Ты даже на Солнце можешь слетать.

— До Солнца далековато будет.

— Расстояния тоже не имеют для тебя значения. Ты же дух. Ты можешь просто шагнуть до любой звезды, как бы далека она ни была.

Я покачала головой.

— Нет. Говорю же, пробовала я уже туда подняться.

Золотая протянула было ко мне руку, но увидев Ананси, отдернула её обратно.

— А я тебе повторяю, это всего лишь твои страхи. Ты сквозь стены проходишь, что тебе какой-то холод.

— Когда это я сквозь стены проходила? Не было такого.

— Ты легко прошла сквозь купол. А это покрепче любой стены, поверь.

— Я не смогу сама. — Вздохнула я. — Помогите мне. Я не справлюсь одна.

Отчет 6 10 ноября

База «Визиг».

Десятый день десятой луны.

Территория горного шельфа условное название «Вершина мира». Объект исследования. Перевальный тоннель. Условное название «Тьма». (Точное местоположение в отчете №1.)

Зафиксировано наличие колоний микроорганизмов, адаптировавшихся к жизни в условиях полной темноты и повышенной влажности.

Предположительно организмы обладают уникальными биохимическими и генетическими адаптациями, позволяющими им:

1. Эффективно функционировать без доступа к свету.
2. Поддерживать жизнедеятельность в условиях повышенной влажности.
3. Возможно, использовать альтернативные источники энергии.

Для детального изучения планируется:

1. Отбор проб с соблюдением стерильных условий.

2. Проведение микробиологического анализа.
3. Определение таксономической принадлежности организмов.
4. Исследование их метаболических путей.
5. Изучение механизмов адаптации к экстремальным условиям

Рекомендуется организовать постоянный мониторинг колонии для отслеживания динамики развития и возможных изменений в популяции микроорганизмов.

Колонии были обнаружены уже давно. А должны были обнаружить их сразу. Первый не устал себя ругать, что допустил работы без должной защиты. Людей спас холод.

Макс первый заметил странное свечение. Не яркое, не агрессивное — скорее призрачное, бледного лилового цвета. Луч фонаря высвечивал лишь слабые дуги контуров, зато тепловизор нарисовал целую картину. Колонии — округлые, почти геометрические пятна, будто нанесённые кистью художника-минималиста.

— Это не биолюминесценция, — бормотал Макс, доставая пробоотборник. — Спектр не тот. Не нравятся они мне.

— Чем именно?

— Форма... слишком правильная. Посмотри на края. Чёткие, словно очерченные циркулем.

— Может, освещение так играет? — предположил Пер-

вый, подходя ближе. Поверхность колоний была гладкая, почти глянцевая, а цвет равномерно распределялся от центра к краю.

Под обычным микроскопом картина стала ещё страннее.

Клетки колонии располагались рядами. Как кирпичи в кладке. Вместо хаотичного скопления — чёткие линии, почти геометрические узоры. Ни одной «лишней» клетки. Ни единого случайного ответвления.

— Как будто их кто-то специально выкладывал, — сказал Первый.

— Или печатал, — добавила Макс. — Как на принтере.

Они переглянулись. В природе так не бывает. Даже самые организованные колонии бактерий сохраняют долю случайности — а здесь всё слишком... идеально.

На следующий день они пришли с лупой и измерительными инструментами. Результаты только умножили вопросы.

Все колонии имели почти одинаковый размер — с разницей в доли миллиметра. Расстояние между отдельными пятнами было примерно равным

— Это не биология. — задумчиво выдал Первый. — Это инженерия какая-то. Как эту чушь в отчете писать?

— Сначала поймём, с чем имеем дело. Если это действительно не природа... значит, здесь кто-то был. И не просто был — что-то создавал.

Где-то в глубине тоннеля раздался тихий щелчок — будто сработало невидимое устройство. Или сорвался вниз на-

копившийся конденсат.

Колонии молчаливо мерцали в полумраке.

Глава 7 Космос в ручном режиме

Сложнее всего было найти корабль в открытом космосе. Вроде и большая дура, но космос оказался намного больше. Только на второй день своей одиссеи я обнаружила слабый отблеск света от круглого паруса корабля.

Через мгновение я уже прилипла к его черному корпусу.

— Тук-тук-тук. — Я постучала по странному материалу, напоминающему прогуталиненую мешковину. — Есть кто дома?

Мертвая тишина космоса была мне ответом.

— Ну ладно. Тогда я войду.

Я очутилась в густой темноте, которая сопротивлялась моим движениям будто вода. Да это и была вода. Я крутанулась и через мгновение поняла, что зря это сделала. Направление было потеряно. Меня снова охватила та же паника, что и в первый мой пробный полет за пределы атмосферы. Срочно надо двигаться. Неважно куда. И я двинулась. По лягушачьи отталкиваясь ногами. Двигалась, но движения не ощущала. Сменила направление, но ничего не изменилось. А может мне просто показалось, что я что-то изменила.

Чтобы не завопить от ужаса, я забарахталась и неожиданно коснулась рукой чего-то гладкого.

Так. Теперь осторожно. Но сначала надо успокоиться. Я «закрыла» глаза и представила, что дрейфую по дну лесной

речки. Надо мной зеленая вода, сквозь которую пробиваются солнечные лучики, а рядом шныряют стайки мальков. Я ведь могла уснуть на дне той реки, без всякого страха утонуть. А в Озере так вообще спала, как сурок. Так почему здесь мне так не хватает воздуха?

— Успокойся, радость моя. — Пршептала я сама себе. — Это всего лишь банальная клаустрофобия. Ничего с тобой не случится.

Мое сердце, находящееся в сотнях километров от меня, стало биться реже и постепенно ритм выровнялся.

Я снова протянула руку и дотронулась до гладкой стены. Мне просто надо пройти сквозь неё.

И тут возникла другая проблема. Чтобы пройти сквозь препятствие мне необходимо было приложить усилие. Там, на Земле, хватало просто расслабиться, чтобы провалиться сквозь пушистые ветви. Но здесь не было гравитации. Либо она была настолько слаба, что не желала воздействовать на мою невесомую сущность.

Зацепиться было не за что. Оттолкнуться... А вот это идея.

Осторожно, чтобы собственным движением меня не отнесло от стены, я приняла позу эмбриона, тихонечко развернулась в сторону стены ногами и распрямилась. Мне повезло. Толчок получился такой силы, что показалось, моя ступня хрустнула.

Я вытянула вперед руку как супермен и принялась исто-

во молиться. Обещая сделать три добрых дела сразу же, по возвращении домой.

Время тянулось так медленно. Жабры можно было отрас- тить пока мои пальцы коснулись стены. Я ждала этого мо- мента и потому не напрягалась, давая руке возможность про- никнуть внутрь. Дальше было всё просто.

Продравшись сквозь многослойную обшивку корабля, я «вздохнула» свободно.

— Красота то какая. Лепота. — Восхищённо заявила я, оглядывая звездную бездну.

А потом посмотрела на Землю и задохнулась от восторга.

Слегка освещённая сбоку Солнцем, планета почти пряталась в безмолвной черноте космоса. Но сверху, на её север- ной половине, горела зелено-голубым огнём корона северно- го сияния — словно волшебное ожерелье, брошенное на плечи мира.

Редкие алые сполохи мерцали в нём, будто драгоценные рубины, вкраплённые в небесную ткань. Лучи прекрасной короны, острые, как ледяные иглы, пронизывали космиче- ское пространство и, теряя силу, развеивались нежной дым- кой.

Мерцающая полоса, похожая на призрачный мост, соеди- няла Землю и Космос — тонкая грань между мирами. Она то ярко вспыхивала, озаряя тьму мистическим светом, то неж- но мерцала, создавая иллюзию живого, дышащего существа, будто сама природа затаила дыхание в этом величественном

танце стихий.

Я висела перед этой красотой крошечной пылинкой и не могла наглядеться. Да и возможно ли насмотреться на такое. Нет во Вселенной более гениального художника, чем сама Вселенная.

Сколько времени прошло, пока я смогла отвести взгляд? Может час, а может целая вечность.

Я оглянулась на корабль. Честное слово, он мало чем отличался от того, что я прочитала не так давно. Общее впечатление от увиденного было одно. Взлохмаченный.

Много увидеть мне не удалось. Чёрно-серебристый корпус корабля с шишковидными нашлёпками непонятного мне назначения поднимался наверх и там загибался, прячась в неизвестности. Видимая часть была вся в длинных царапинах с торчащими ниточками по краям и разного размера дырочками с такими же лохматыми краями.

Я «потрогала» ближайшую дырочку. Лохмушки даже не шевельнулись. В конце особенно длинной царапины я обнаружила камушек.

— Так вот кто тут беспорядки нарушает! А ну-ка, иди сюда.

Пришлось немного повозиться, но крохотный метеоритик в конце концов оказался в моих алчных ручках.

— Подарю тебя Марию. — Сказала я и зажала осколок в кулаке.

Больше тут пока делать было нечего.

Можно было бы погулять по этому памятнику древнего космоплавания еще, но мой друг слёзно просил не задерживаться надолго. Хотя бы в первый раз.

Я его отлично понимала. Сама бы с ума сходила на его месте. Так что надо поторопиться. Сумасшедший любовник нам не нужен.

Пора возвращаться.

Осторожно положив метеоритик на край стола, я нырнула в озера своих глаз.

Марий сидел в точно той позе, в какой я его и оставила.

— Ты хотя бы моргал?

— Два раза. — Ответил он, выпрямляясь. — Пить хочешь?

Пить я хотела. Но, вспомнив своё приключение, передёрнулась и отказалась.

— Потом.

— Ты видела их?

Марий взял меня за плечи и даже встряхнул слегка, заглядывая мне в глаза.

— Нет.

Я ответила ему таким же взглядом

— То есть как? Совсем никого не видела?

Марий тряхнул меня посильнее.

Вертелся на языке ответ. Ой как вертелся. Я не груша, в конце концов, чтобы так меня трясти.

Но Мария сейчас потряхивало не хуже. И я постаралась

не усугублять.

— Нет. Я совсем никого не видела. Не успела. Не нашла. Зашла не с парадного входа и с цветами меня там никто не встретил. — выдала я, стараясь шипеть как можно спокойнее.

Я отцепила пальцы Мария от своих плеч и встала.

— Марий, я поллуны училась этим космическим полетам. Знаешь, как мне там страшно было. Да я пока внутрь проди-ралась, чуть не утонула.

— Ты не можешь утонуть.

Марий опустил руки на колени и посмотрел на меня. В его глазах мелькнула тревога.

— Очень даже могу. Прикинь. Особенно в полнейшей темноте, когда не понимаешь, где выход и есть ли он вообще. Что за странная конструкция у вашего кораблика? Почему там вода под обшивкой?

— Защита. От облучения. Такую делают на кораблях, которые летят далеко. По сути, корабль — это линза из воды, внутри которой находится двигатель и помещения для жизни экипажа. Если говорить простым языком. В случае пробития обшивки вода замерзает и закупоривает дыру до ремонта.

Если корабль терпит бедствие на безводной планете, то воды экипажу, при замкнутом цикле очистки, хватит на несколько поколений.

— И ты меня не предупредил!

— Но я даже подумать не мог, что тебе это помешает.

Я глубоко вздохнула и медленно выпустила воздух. Сама виновата.

— А если корабль разобьётся? — мирно спросила я, вместо извинений.

Марий встал и все-таки налил мне воды.

— Для этого ему придётся врезаться в планету, хорошенько разогнавшись и полностью отключив всю систему аварийного торможения. А там и антигравитационный модуль, и экзотермические щиты, и гравитационные компенсаторы. И много чего ещё для защиты корабля и экипажа. Управление системой находится в самом центре корабля, и каждая функция продублирована. Даже если корабль получит повреждения, то будет утрачена лишь часть воды, благодаря системе автономных резервуаров. Ну а если корабль расшибётся в лепешку, то вода там уже никому не понадобится.

— То есть корабль можно посадить на Землю?

— Система посадки у него, разумеется, есть. Это ведь корабль для переселения. Там каждый элемент, каждый грамм предназначен для обеспечения и дальнейшего развития мигрантов. Слишком расточительно бросать в космосе столько ценных ресурсов.

— Тогда почему они не садятся? Раз уж улететь никак не могут?

— А вот этот вопрос ты и должна выяснить.

— То есть я? Как?

— Не как, а у кого. Думаю, если они за шесть лун не смогли решить проблему, то уже и не смогут. Тем более, они не стали бы посылать сигнал, будь у них такая возможность. Тебе надо узнать, какие повреждения получил корабль. Помочь наладить связь. А мы тут подберем место для посадки. Разработаем стратегию и обеспечим спасательные работы. Голова трещит от всего этого.

Марий потер лоб ладонью.

— Честное слово, лучше бы они улетели ко всем звездным псам. Выгребли у нас почти всю техбазу. Данные стерли, идиоты.

— Уверена, что это все Нянька. — Вякнула я.

— Аналогично, — Кивнул Марий. — Эта старая жаба всегда только о себе думала. Испугалась, видимо, что мы им систему взломаем. Доступ заблокировала, а как разблокировать не знает. Теперь вот, как в каменном веке, через радио пытаются докричаться.

— А разве есть другая связь, кроме радиоволн? — Удивленно спросила я.

— Конечно. Нейтринная связь. Квантовая запутанность. — Протянул Марий, удивленный, что я не знаю таких простых вещей. — Там, конечно, свои заморочки, но сигнал всегда устойчивый, в отличии от радио. А мы сейчас даже не можем с ними синхронизироваться. Нет связи — не можем определить их точное местоположение. Не можем их найти — не можем установить связь. Замкнутый круг. Мы даже их

частоту сейчас не знаем.

— А на какую частоту сигнал прилетал?

Марий только рукой махнул.

— Тишина там. Может, скачут по частотам, может, и последний передатчик сломали. Идиоты!

— Марий хлопнул по столу и камушек, притащенный мной из далекого космоса, подпрыгнул и упал на пол.

— А это еще что такое?

Он поднял метеорит и посмотрел на него сначала на ладони, а потом взял двумя пальцами и поднес его к лампе. Метеорит засветился медовым светом, будто кусочки янтаря, обрамленные темным металлом.

— Это я из корабля выковыряла. Подарочек тебе.

Марий поспешно ткнул пальцем в стену и положил камень в выкатившуюся каретку. Та засветилась красным, и над ней развернулся маленький виртэкран со множеством символов.

— Чистый, — Сказал Марий и расплылся в довольной улыбке. — Спасибо. Не жалко такую ценность отдавать? Это редчайший класс паласситов. Менее одного процента из всех метеоритов.

Я только рукой махнула.

— Для тебя мне ничего не жалко.

Марий погладил камень пальцем, положил в нагрудный кармашек и прижал к груди ладонь.

— Будто привет от нашего корабля.

— Погоди, — Я пощелкала пальцами мысленно возвра-

щаяся к нашему разговору. -Но почему вы не видите корабль? Он же такой огромный. Я его безо всяких телескопов видела, когда летала по лесу. А сейчас, после того как там побывала, я точно знаю где он находится. Там, — Ткнула я пальцем в небо, в сторону юга. -Может, как-то можно считать меня? Я не знаю, координаты высчитать?

— Точно! — Марий хлопнул себя по лбу и поморщился. — Я совсем замотался. Мы же говорили об этом на собрании. Из головы вылетело. «А почему?» — спросил он сам себя. — А потому что залезли в такие дебри, что забыли о самых простых вещах. Мы проверяли оборудование, когда приземлились. И телескопы тоже. А в компьютере телескопа сохраняются все данные. И если Нянька и туда не залезла, то мы можем просчитать местонахождение корабля в любой момент времени. Аль, ты гений!

Марий схватил меня в объятия и закружил по тесной каморе, рискуя снести все, что в ней находилось.

— Погоди.

Он осторожно поставил меня на пол и полез в свой потайной шкафчик, о котором знали абсолютно все. Достал оттуда фляжку и пару стаканчиков.

— Берег для особого случая. Но, по-моему, сейчас он и есть. Ну, — Марий подал мне стаканчик и поднял свой. — За успешное завершение нашего безнадёжного предприятия.

Коньяк растекался по телу таким благословенным жаром, что я застонала от удовольствия.

Выпив свою порцию, парень кинулся к клавиатуре.

— Зная их точное местоположение, мы можем рассчитать траекторию аварийной посадки. Самым удобным было бы уронить корабль на воду. Но подходящих водоемов поблизости нет. Может, на горы?

Он включил галопроектор и вывел трехмерное изображение Земли. Планета крутилась перед нами, совсем как живая. Точно такой я видела её из космоса. Разноцветные материки озорно выглядывали из-под облаков, а мировой океан нес в себе все оттенки синего.

Пара движений пальцами по панели, и шар начал расти. Облака рассыпались пикселями и передо мной раскинулась необъятная Тайга.

Не будь я уже вполне себе натренирована, наверное, упала бы. Настолько реальным было ощущение полета вниз.

Марий слишком резко увеличил изображение, и я отшатнулась, испугавшись, что мне прилетит по носу, какой-то особо выдающейся возвышенностью.

— Так. Здесь. Нет. Широта... Долгота...

Пальцы отстукивали чечетку на светящихся цифрах, а картинка крутилась и увеличивалась, пока Марий не стукнул по панели в последний раз и не возвестил.

— Вот. Мы находимся здесь.

— Но здесь же лес, — удивилась я. — А город где?

— Когда делали снимок планеты, города еще не было. И обновлений за последние четыреста лет не поступало. —

ехидно ответил парень.

Я фыркнула и отпила из стакана, который так и держала в руке.

— Ну и куда ты тут наших летунов ронять собрался?

— Подумаем. Посмотрим. Прикинем.

Марий возобновил пальцевую чечетку, не отрывая взгляд от экрана. Картинка снова поплыла.

— Вот, смотри. Это те самые горы, где наш челнок хранился.

— Погоди-ка. Дай мне.

Я поставила стакан прямо на пол и сдвинула Мария с кресла.

— Где тут это... ага.

Я положила ладонь на шар-мышку и слегка его шевельнула.

Горы приблизились и тихонечко поплыли, послушные моей руке.

При желании и времени я могла бы вдоволь налюбоваться на горы вживую и с любого ракурса, но почему-то смотреть на эту красоту через экран было так залипательно, что я не сразу почувствовала тычки Мария.

— Аль, давай ты потом поиграешься. Нам делом надо заниматься.

Я вспомнила купальни эльфов.

— Если ты собираешься ронять свою железяку на горы, то это с нашими друзьями придется советоваться. Разрешат

ли еще.

Я отпихнула парня локтем и продолжила свой виртуальный полет.

— А могут не разрешить?

— Еще как. Там звери, экосистемы разные. Эндемики. Лучше, всё-таки, на море куда-нибудь.

— Аль...

— Да погоди ты. Вот!

Я радостно ткнула пальцем в свой серый камень на вершине скалы.

— И что это? — Озадаченно спросил мой друг.

— Ты что, не видишь? Это камень.

Марий посмотрел на меня так, что я быстренько уступила ему место.

— Работай. А я пойду, посплю немного.

По дороге в свою камору я подумала про Байкал. Он же должен быть не так уж и далеко. Относительно. Поместится в него наш кораблик или нет? Но тут же одернула себя. Засорять жемчужину Сибири инопланетным металлоломом. Еще чего не хватало. Да и сохранилось ли озеро до этих дней? Кто знает, какие катаклизмы смели с лица Земли почти всё население.

Неожиданно мне остро захотелось увидеть Байкал снова. Увидеть его хрустальные воды, обрамленные чудными скалами и реликтовыми соснами, ощутить своей кожей дуновение Баргузина, приносящего прекрасную солнечную погоду.

Если уж корабль настолько прочный, что разбить его можно только хорошенько разогнавшись, то, думаю, просто упав на планету, он не так уж сильно и повредится.

А собственно, почему бы моих друзей и не озадачить этой проблемой. Они планету лучше нас знают. И голов у них много. Пусть думают.

Интересно, а смогут ли эльфы мне карту нарисовать?

Эльфы смогли. И показали несколько мест, куда можно было, относительно безопасно, «уронить» корабль. Безопасно для планеты, разумеется.

Отчет 7 23 ноября

База «Визиг»

Двадцать третий день десятой луны.

Территория горного шельфа условное название «Вершина мира». Объект исследования. Перевальный тоннель. Условное название «Тьма». (Точное местоположение в отчете №1)

— Метод исследования: сейсморазведка с применением деревянного свайного молота (источник упругих волн).

— Цель: уточнение строения массива, выявление зон трещиноватости, пустот, контактов пород.

Методика работ

— Вибрационный источник — ударное устройство, генерирующее низкочастотные упругие колебания при ударе о твёрдую опору.

— Приёмники: сейсмоприёмники (геофоны), размещённые вдоль трассы тоннеля на фиксированных интервалах.

— Схема наблюдений:

— молот устанавливается в точке возбуждения;

— удары наносятся с регламентированной силой и периодичностью;

— сейсмоприёмники регистрируют время прихода прямых и отражённых волн.

— Параметры записи:

- диапазон частот—10—100 Гц;
- длительность записи—1—2 с на удар;
- шаг между пунктами приёма—5—10 м.

Предварительные результаты

(примерные выводы на основе типичных данных сейсморазведки в скальных массивах)

— Выявлены два контакта пород на глубинах 8 м и 15 м от кровли тоннеля.

— Обнаружена зона повышенной трещиноватости на участке 1,2—1,5 км (аномальное затухание волн).

— Скорость продольных волн V_P в основном массиве—3500—4200 м/с (соответствует плотным песчаникам/кварцитам).

— На участке 2,1—2,3 км зафиксировано локальное понижение V_P — возможный карст или разлом.

Рекомендации

— Провести детальную съёмку на участках с аномалиями (шаг приёма 2—5 м).

— Выполнить контрольное бурение для верификации сейсмических границ.

— Использовать дополнительные методы (электроразведка, георадар) для уточнения гидрогеологии.

— Учесть данные сейсморазведки при планировании крепления тоннеля в зонах трещиноватости.

Первый удовлетворенно улыбнулся и размял затекшую шею. Потом перечитал последние строки отчета и усмехнулся.

Вибрационные источники представляли из себя три бревна подвешенных на треноги. Их поднимали веревками на высоту в два человеческих роста и сбрасывали. Мощно, ничего не скажешь. Но пока хватало и этой смешной замены нормальным низкочастотным генераторам, взять которые с собой, в эту экспедицию, не получилось.

Скрипнула деревянная дверь и в проём заглянул светловолосый мальчишка.

— Шан, ты со всеми обедать будешь или тебе сюда принести?

— Не беспокойся, малыш. Я сейчас выйду.

Первый раскинул руки и потянулся как после долгого сна. Потом встал, сделал несколько гимнастических движений чтобы разогнать кровь и вышел на улицу.

Заснеженную и плотно утоптанную поляну заливал розовый свет восходящего Солнца. Едва заметный ветерок сбрасывал с высоких сосен белые комочки. Из нижней каморы доносился умопомрачительный запах.

— Пиллен!

Снизу от речки поднимались двое. Один нес пару небольших канистр. Второй волочил за собой огромную рыбину.

— Смотри какого тумня поймали. Это Лексан постарался. На обед уха будет.

— А на завтрак у нас что?

— А что вчера на ужин было. Козлятина.

В маленькой едальне собрались уже все члены экспедиции. Ол, жена рыжего вожака, резала мясо и раскладывала его на доски. В чашках был налит горячий бульон, от которого исходил аромат лесного чеснока. В середине стола горкой лежали румяные лепешки.

Первый занял свое место и потянулся за стряпней.

— Лепешки к чаю. — Предупредила стряпуха. — Они сладкие. На обед сделаю тумня в тесте и рябиновый чай с лесным медом.

Женщина игриво повела плечиком, а Первый подумал, насколько же она не похожа на ту Ол, с которой он сплавлялся по лесной реке, всего шесть лун назад.

Глава 8. Я иду искать

Как нам не хватает порой инструкций. Какую пипочку к какой бубочке прикрутить. Какую кнопочку нажать, где свернуть, где соломки подстелить.

Как все кажется просто, когда дело уже неоднократно сделано, изучено и знакомо.

Уже на пятый раз, после усиленных тренировок с моими друзьями эльфами, я действительно могла просто шагнуть с Земли на корабль и спокойно проникнуть внутрь. Для этого мне пришлось изучать схему корабля. Точное расположение всех его шлюзов, где не было водной защиты. Попадаться в эту жуткую ловушку ещё раз, мне очень не хотелось.

Но одно дело тыкать пальцем в схему, и совсем другое ползать по настоящему кораблю, размеров которого я даже не представляла. А если вспомнить, что я без труда видела его с Земли... Где-то же эту дуру строили.

Корабль мало того, что двигался по орбите, он еще и вращался вокруг собственной оси. Шлюзы были похожи друг на друга, как родные братья. А маркировать уже просмотренные варианты мне было нечем. В общем, налетала я там часов на хороший стаж.

Просочиться сквозь ряд полутораметровых заслонок было проще пареной репы. Но больше я пока ничего не могла сделать. Меня тут никто не слышал, не видел, не осязал и

даже не обонял. Какое там у нас пятое чувство? Вкус? Ну, то, что меня никто не мог укусить это было скорее хорошо.

Зато я могла шляться по кораблю сколько душе угодно.

В первый раз я попала в чудный сад. Когда-то чудный. Лет четыреста назад. Прозрачный пол с дырками-лунками был засыпан пылью, в которую превратились растения. Внизу еще свисали самые толстые корни.

Трубки с форсунками были установлены так гениально, что были почти незаметны.

Когда я попыталась пройти сквозь зеленоватые стены, то обнаружила, что это резервуары. Видимо тут находился питательный раствор. На дне резервуаров еще сохранились остатки взвеси, высушенные временем.

И я бродила там, как тень, среди призраков былого великолепия. Пыль, эта тонкая завеса времени, смягчала контуры, приглушала краски, превращая сад в акварель забытых грез.

Корабль был пока жив. Чувствовалась легкая вибрация. Система воздухоснабжения еще работала. И в каждом шорохе работающего воздуховода мне слышался шепот садовника, когда-то заботливо ухаживавшего за этим оазисом.

Замершие капли питательного раствора, словно янтарные слезы, свидетельствовали о неумолимом течении времени.

Я прикоснулась к шершавой поверхности поддона, представляя, какие цветы некогда здесь цвели, какие плоды зрели.

В одном из лотков я нашла крошечную, ссохшуюся косточку. Она была легкой, как пушинка, но в моей руке ощущалась тяжестью утраченной жизни. Я закрыла глаза, пытаюсь представить себе дерево, которое могло из неё вырасти. Высокое, с раскидистой кроной, дарящее тень и прохладу уставшим путникам.

Здесь было множество перегородок. Видимо, растения были набраны с разных широт. Хотя лично я не знаю травы, которая была бы недовольна жарким и влажным климатом.

А может, перегородки были сделаны для того, чтобы растения не скрещивались, как им заблагорассудится. Кто его знает.

Я долго бродила по этому заброшенному саду, представляя, как он выглядел в лучшие времена. Буйная зелень, яркие цветы, журчание воды. Настоящий райский уголок посреди космического пространства. Удивительно, как люди смогли создать такую сложную систему и поддерживать ее работоспособность на протяжении стольких лет.

За прозрачной перегородкой я обнаружила покосившийся стол, заваленный какими-то бумагами. Они рассыпались в труху, как только я попыталась к ним прикоснуться. Удалось разобрать лишь несколько отдельных слов и цифр. Возможно, это были записи об экспериментах, рецепты удобрений или просто логистика поставок.

Вдоволь поблуждав по этим садам Семирамиды, я поняла, что ничего живого тут нет, а стало быть, и живых тоже ждать

нечего. Потопали дальше.

Там обнаружилось машинное отделение, огромные насосы и резервуар. Всего один, но зато какой. Воды, которая в нем плескалась, хватило бы на приличное лесное озеро.

Вода в резервуаре была чистой и прозрачной, но контактировать с ней желанья не вызывала. Она выглядела тяжелой, как сама судьба и мрачной, как проклятие соседской бабки.

— Ну и где вы тут прячетесь? — недовольно проворчала я, пиная ближайшую трубу. Эх, взять бы гаечный ключ, да подолбить хорошенько. Небось, услышали бы. Да где его тут возьмешь.

Пришлось лететь дальше. Осторожно и крадучись, чтобы не вляпаться в ещё какую ловушку. Мало ли где они тут ГСМ хранят. Утонуть в инопланетном бензине мне совсем не улыбалось. И, если честно, продираться сквозь материальные предметы — то еще удовольствие.

Теплицы всё не кончались, и я решила вернуться обратно к тому же шлюзу, через который попала на корабль. Он встретил меня ехидной ухмылкой кривого горизонтального стыка.

— Я тоже рада тебя видеть. — Ничуть не лицемеря, сказала я шлюзу и просочилась сквозь него.

За время своих путешествий я вдоволь насмотрелась на внутренности корабля. До реактора и двигателя, находящихся в самом центре, я не добралась. Но вдоволь наслушалась

гула охлаждающих и очистных систем. Проползла километры по трубам топливных магистралей. Налюбовалась на аккуратные ряды с запасными частями и инструментариями. Сочинила много новых и интересных идиом.

Если бы были живы строители этого корабля, они бы умерли на месте, услышав хоть часть этих почти литературных шедевров.

Я училась различать шлюзы по знакам, чтобы найти, наконец, тот единственный, который напрямую вел к жилым помещениям. И мои усилия увенчались тем, чем им и положено увенчиваться.

Шлюз был найден. Найти наших звездоплывателей-неудачников труда уже не составило. Но что толку. Как я уже говорила, меня тут никто не слышал и не видел.

Отчет 8 10 ноября

Отчет.

База «Визиг»

Десятый день одиннадцатой луны.

Территория горного шельфа условное название «Вершина мира». Объект исследования. Перевальный тоннель. (Точное местоположение в отчете №1.)

Изучение местности на возможность возникновения геомагнитных аномалий. Проведена магнитная съемка территории.

Лабораторные исследования:

Изучение намагниченности в диапазоне 4—1000 К.

Магниторезонансная спектроскопия

Выявленные аномалии...

— Шан!

В двери ворвался помощник.

— Там Киса пришел! И Щен с ним!

Сердце Первого бухнуло и провалилось куда-то глубоко.

Он едва перевел дыхание.

На поляне сидел огромный кот. Рядом, положив голову на его толстый хвост, дрых щенок.

— Умаялся ребенок. — Промурлыкал кот и улыбнулся.

Потом выдернул хвост из-под головы щенка так ловко, что тот ничего не почувствовал, и продолжил сладко спать. Только перевернулся на спину, подставив всем на обозрение животик с белой подпушкой.

Киса подошел к Первому и склонился в глубоком поклоне, подогнув правую лапу.

— Посланец базы прибыл, монсеньор.

— Опять фильмов из Алиной хроники пересмотрел. — Рассмеялся молодой помощник по имени Риккот. — Это что-то из трёх мушкетеров?

— Нет, мой юный друг. Это фильм «О боже, как низко я пала». Рекомендую. Немного глуповатая, но смешная лента. А что, «Три мушкетера» достойная вещь? Стоит посмотреть?

— О, да это... — Начал было помощник, но Первый его

перебил.

— Давайте об искусстве потом поговорите. Киса, ты по делу или мимо пробежал?

— Если б мимо, то и пробежал бы. А ты будто не рад нас видеть.

На поляну один за другим выходили остальные члены экспедиции. И если дикари опасливо останавливались поодаль, то каждый из уров счел долгом подойти и поздороваться с гостем.

— Да я рад. — Растерянно ответил Первый. — Поинтересовался из вежливости. Может, надо чего. Ремонт там или мелкого покормить.

— Благодарствуем на добром слове. — мурлыкнул робот, кивнув огромной башкой. — Ремонта не требуется. А едой и сами можем поделиться.

— Да нам тут подножного корма хватает. Твои консервы даже не трогали.

— Понимаю.

Кот повел огромной башкой.

— Понимаю тебя как никто другой. Будь я биологическим существом, ни в жизнь бы не попробовал эту отвратительную еду.

— А нас кормишь.

— А что делать. Приходится. Не я составлял программу и вставлял себе ферментационные баки и сушилку. Что выросло- то выросло. Все вопросы к моим создателям.

Уры рассмеялись. Первый тоже невольно улыбнулся. После знакомства с Аль у робота значительно расширился лексикон. Да и поведение изменилось.

«Мы все изменились после встречи с ней» — Подумалось Первому.

— Ты сказал, что у тебя какое-то задание.

— Не то, чтобы прямо задание.

Робот поднял огромную лапу и принялся внимательно рассматривать выпущенные когти. Те блестели зеркально отполированным металлом.

— Так, попросили на общественных началах заглянуть к вам. Посмотреть, как вы тут живете. Всё ли у вас хорошо.

— Я же регулярно отсылаю отчеты.

Киса налюбовался на своё отражение в когте, поставил лапу и посмотрел на Первого.

— Отчеты это одно, а живой привет совсем другое. Кстати, я вам тут чуха принес. Там, за кибитками лежит. Пусть мальчишки твои его заберут. Сгодится, куда ни то. А мы с ним. — Робот кивнул на помощника. — Займемся культурной программой. Идемте, мой юный друг.

Киса обвил хвостом плечи Риккота.

— Прогуляемся по этому прекрасному зимнему лесу. Поговорим о синема. Поделится впечатлениями. Вы уже посмотрели «Кулаки в кармане»? Не кажется ли вам, что гротеск, показывая маргинальность через призму эстетики, превращает негатив в управляемый...

Собеседники удалились и Первый так и не узнал, во что превращается негатив.

Он подошел к безмятежно спящему щенку и осторожно потрогал его за мягкое пузико. Тот заворочался, приоткрыл один глаз, потянулся — и вдруг, игриво прищурившись, изогнулся и легонько прихватил зубами пальцы Первого.

— Эй, ты чего? — улыбнулся Первый, не отнимая руки. — Решил проверить, какие они на вкус?

Щенок пророкотал, будто смеясь, и прикусил чуть сильнее, но всё так же нежно, словно боялся действительно сделать больно.

— Не забыл меня, дружище. — прошептал Первый. — Хотел бы я знать, помнит ли меня она? Щен, это она послала сюда вас с Кисой?

Глава 9 Встреча с собой и кое кем еще.

Дома Марий и остальные наши умники вынимали из меня всю душу. Сначала под колпаком, потом те, у кого не было времени просмотреть мои записи, теребили меня в едальне, требуя подробностей.

Я рассказывала, кого именно встретила в этот раз, и они радовались, узнавая своих друзей.

Уры требовали подробностей, и я описывала им помещения, в которых побывала. Что именно пытаются отремонтировать наши астронавты. Как отдыхают в редкие минуты

свободного времени. О чем говорят. И какие мизерные порции каши им выдают.

Поначалу я старалась не пугать наших умников подробностями, вроде мелких, но частых стычек между летунами, и все нарастающего напряжения в их дружном коллективе. Но дотошные мальчики быстро меня раскусили, раскололи и вывели на чистую воду.

— Аль, милая, ты пойми, нам каждая мелочь важна. — Объяснял мне Галах. — Вот ты рассказала какие у них порции, и мы теперь знаем, что они смогут продержаться еще оборота полтора, даже без оранжерей. Но за это время вполне могут успеть что-то вырастить. Ссорятся — значит фармацев не в порядке. Седативного у них нет. Нет седативного, то есть одного из простейших средств, значит нет и более сложных препаратов.

— Понятно. Но мы же не знаем сколько они ели до того, как я туда добралась.

— Я знаю Няньку. Она бы ни за что не стала выдавать нормальные порции еды, не имея возможности регулярно пополнять запасы продовольствия. Даже здесь не позволяла увеличивать порции помощникам. А они ведь растут. Им есть надо за двоих.

У парня от волнения разыгрался аппетит, и он схватил с блюда большой оранжевый плодик. Посмотреть, так мандарин мандарином, а на вкус как тыква с манго. Нежный и сочный фрукт.

Эльфы, в отличии от Няньки, не жадничали и регулярно приносили нам плоды своих трудов, постоянно удивляя новыми гибридами.

Я полюбовалась как вкусно чамкает парнишка и сказала.

— Не будет у них оранжерей. Если за полгода ничего вырастить не смогли, то значит, там серьезная поломка.

— Но ты же не все оранжереи прошла. Их там три. Может в какой-то и выращивают что-нибудь. Семена то с собой они взяли.

— Тогда почему ничего не дают экипажу?

— Не знаю. Надеюсь, потому что первый урожай еще не собран.

— А как нам поможет инфа про сломанную *таблеточную* фабрику?

— А это нам сигнал, что надо торопиться. Психовзрывы штука очень неприятная. И случиться могут в любой момент.

Я продолжала исследовать корабль. В первую очередь мне необходимо было найти Няньку и Урлига.

Там, где кучковалась основная масса команды, их не было. Не было и в лабораториях, которые попались на моем пути. Не попались они мне и в складских помещениях.

— Неужели уры поумнели и выкинули их в открытый космос? — спросила я сама себя, потому что спрашивать было больше некого.

В открытом космосе эту сладкую парочку я тоже не встре-

чала, но это ни о чем не говорило. Космос вон какой большой. Пока весь облетишь.

Я на несколько раз прошерстила все обитаемое пространство, пока не вспомнила схему корабля, которую показал мне Марий. Здесь же был не один жилой уровень. Обругав себя парочкой нехороших слов, а потом утешив тремя хорошими я, немного подумав, решила подняться наверх. За время блуждания я успела найти и отключенные лифты и закрытые лестницы.

Пролетев по шахте, я «вышла» на втором этаже. Или не на втором, а на третьем или пятом. Неизвестно же, сколько там этажей подо мной. Кстати, надо будет по возвращении хорошенько изучить план корабля. Хотя бы поэтапно.

Здесь действительно был этаж. И он был точно жилым.

Сразу, возле лифта располагался огромный холл. С удобными мягкими креслами и сухими стволами погибших деревьев, растущих прямо из пола, сверкающего серебристыми искорками. Система исправно кормила и поливала деревца, но ухаживать за ними было некому.

Теперь ветви, когда-то покрытые изумрудными листьями, тянулись к потолку, словно костлявые пальцы, а на полу скопился слой хрупкой коричневой листвы, которую роботы-уборщики почему-то игнорировали. В воздухе витал слабый запах озона и чего-то ещё — едва уловимого, напоминающего о забытых садах Земли.

Слабо освещённый коридор простирался вдаль — широ-

кий, с плавно изгибающимися стенами, будто выточенными из цельного куска полупрозрачного минерала. Его поверхность переливалась приглушённым светом, меняя оттенки от глубокого индиго у пола до бледно-лавандового у потолка.

Вдоль обеих сторон располагались двери кают — не привычные прямоугольные панели, а овальные порталы с едва заметной рябью на поверхности, словно застывшая вода. Каждая дверь имела уникальный узор: где-то проступали тонкие золотистые линии, складывающиеся в фрактальные спирали, в других местах мерцали крошечные точки, напоминающие звёздное небо.

Я просочилась сквозь первую дверь.

— Уютненько. — пробормотала я. Оглядывая убранство. А тут было действительно убранство. Не стандартная безликая каюта, а целый дворец, впихнутый в одну комнату. Широкая кровать была застелена безумно красивой шкурой. Черная с искрами, она казалась драгоценностью. На широкой полке стояли разнообразные сосуды. И жидкость в них еще не испарилась. Пол был инкрустирован плиткой из какого-то дерева. Казалось, он светился и выглядел таким теплым и уютным что хотелось на него лечь и уснуть. И на кой тут нужна кровать с таким-то полом?

В комнате было еще много чего, но не было того, что я искала. Точнее, тех. И я полетела дальше.

До следующей каюты мне пришлось пролететь еще небольшую кухню-столовую, одна стена которой слабо фос-

форесцировала, а другая была от пола до потолка завешена маленькими полочками, на которых стояли крохотные сосудики самого невероятного вида. Умывальню с маленьким бассейном и огромный гардероб.

— А вы, оказывается, не только робу носили.

Я с удивлением разглядывала костюмы, расшитые драгоценными камнями. Мягкие халаты, тонкие рубахи с вышивкой, которая становилась заметной только на сгибах. Висели тут и странного вида балахоны с такой дикой расцветкой, что я сразу поняла — это для тайных обрядов вудистов-стендеров. Такое раз увидишь, век не забудешь.

— Видимо это этаж для первого класса. — сказала я сама себе, и сама же себе кивнула в ответ.

В следующей каюте всё было выдержано в строгих серых тонах. Мебель из полированного металла, стены, обтянутые кожей. И я не была уверена, что кожа искусственная. Лишь одинокая картина на стене разбавляла этот монохром. На ней был изображен далекий, затянутый туманом город, словно сон, запечатленный на холсте.

Здесь царил идеальный порядок какого не может быть там, где кто-то живет.

Я влетела внутрь, стараясь не нарушить эту стерильную элегантность своим скромным присутствием. Казалось, даже воздух здесь был отфильтрован от любых признаков человеческой жизни. Наверное, хозяин этой каюты был сверхчеловеком, способным поддерживать такой безупречный по-

рядок без посторонней помощи. Или, возможно, он просто не жил здесь.

Я подошла к картине, единственному проявлению индивидуальности в этом царстве серости. Город на холсте был, несомненно, шедевром. Я могла бы часами разглядывать его, пытаясь разгадать тайны, скрытые в тумане. Если бы у меня была хоть малейшая заинтересованность в разгадывании туманных тайн или разглядывании самого тумана. Другие тайны звали меня. Где эта сладкая парочка, зараза Нянька и великий Урлиг?

С каждой новой комнатой я всё больше удивлялась богатству и роскоши, которые здесь царили. Вот комната для медитаций. С фонтаном, журчание которого было призвано умиротворять и успокаивать истрепанные нервы героических звездоплывателей, измученных ностальгией по родной планете.

Ныне же фонтан был сух, как сама пустыня и покрыт тонкой серебристой пленкой.

А вот — зал для игр, с экранами и пустыми столами непонятного назначения. Но все это было неважно.

Здесь никто не жил. Я поняла это уже на третьей по счету каюте, но все равно продолжала нырять в каждую дверь. Пары секунд хватало понять, что здесь давно никто не бывал. А перед уходом люди собрали все свои личные вещи и навели стерильную чистоту. Даже костюмы, которые попались мне

в первой каюте, выглядели как с игопочки.

В очередной комнате я снова задержалась, невольно заворожённая открывшимся зрелищем. Просторное помещение, едва освещённое мягким рассеянным светом, казалось почти пустым — если бы не одна поразительная деталь.

Моё внимание привлекла необычная стена, составленная из тысяч разноцветных квадратиков. Они плотно прилегали друг к другу, образуя причудливый мозаичный узор, который переливался всеми оттенками радуги: от глубокого сапфирового и изумрудно-зелёного до нежно-розового и солнечно-жёлтого. Каждый квадратик был размером с мою ладонь, идеально ровный, с едва заметными швами между элементами.

Я подплыла поближе, зачарованная этой игрой цвета, и осторожно потрогала пальцем один из фрагментов. Поверхность оказалась неожиданно текстурной — не гладкой, как я ожидала, а собранной из тонких проволочек

Лёгкое прикосновение вызвало едва уловимое мерцание — отдельные нити чуть изменили оттенок, создавая иллюзию движения. Я провела рукой вдоль стены, и волна переливов пробежала следом, словно мозаика откликнулась на моё присутствие.

«Это же надо так заморочиться...» — невольно прошептала я, восхищённо качая головой. Пальцы продолжали скользить по мерцающей поверхности, ловя игру света на металлических нитях. У кого-то действительно было слиш-

ком много свободного времени — и невероятное терпение, чтобы создать нечто столь кропотливое и прекрасное. Кто и зачем построил эту удивительную стену в глубине забытого космического сооружения? Вопросы роились в голове, но ответов пока не находилось.

— Добралась, все-таки.

Я вздрогнула от неожиданности, обернулась и оторопела. Если можно применить это слово к моей энергетической сущности.

— Ты?

— Я плохо тебя слышу. Нам надо как-то наладить коммуникацию. Давай так. Правая рука — да. Левая — нет.

Она говорила, а я стояла, точнее висела столбом, не в силах поверить, что вижу перед собой живую Анастасию.

— Ты сама то меня слышишь? — беспокойно спросила маленькая гедла.

Я кивнула, а потом помахала ей правой рукой.

— Отлично. Тебе нужно тело. Ты знаешь, что здесь, на корабле находишься прежняя ты?

Я снова подняла правую руку.

— Нашла её уже?

«Нет»

— Значит так.

Анастасия деловито подтянула рукава своей курточки и принялась, жестикулируя, объяснять дорогу, будто деревенская старушка, которой повезло встретить приезжего.

— Вот смотри. Там, где стоят кресла с деревьями, есть еще один проход. Не такой широкий, как сюда. Через три двери поворот направо. Тебе туда.

Гедла вытянула маленькую ручку, а потом завернула кисть, наглядно показывая маршрут.

Дойдешь... — Она оглядела мой силуэт. — Долетишь до конца. Там дверь, но она давно не работает. Пролетаешь насквозь и дальше.

Левой рукой она махнула перед собой, а правую вытянула как регулировщик на перекрестке.

— Запомнила?

«Да»

— Окажешься в большом круглом пространстве. Они называют это холлом. Найди дверь вот с такой пометкой.

Гедла послунявила пальчик и начертила на полу две волнистые линии одна над другой.

— Там у них восстановительные капсулы. И ты наверняка там.

Я недоуменно дернула головой и гедла правильно поняла мое дерганье.

— Я же не могу летать как ты. Это мои догадки. Но поверь, мест, где они могут тебя держать, здесь не так уж и много.

Я нарисовала в воздухе знак вопроса.

Анастасия поджала свои хорошенькие губки.

— Не понимаю, чего ты хочешь. Не трать время, лети. Ес-

ли тебя там нет, то дам другой маршрут.

Я двинулась было к двери, но вернулась и обняла малышку своими невидимыми лапками.

— Да лети уже, не разводи тут сырость. — Отмахнулась маленькая. — Обзаведешься тушкой, тогда и наобнимаемся.

Я просочилась сквозь двери и полетела по коридору, но пролетев метров пять вернулась и просунула голову обратно в каюту. Гедла была на месте. И она была точно живая.

В моей прозрачной головушке был такой сумбур, что, добравшись до указанного коридора, я не смогла вспомнить, куда там дальше двигаться. Направо? Налево? Что там дальше?

Розовые ёжики! Анастасия жива! Как такое может быть? Может на меня так космическое излучение подействовало? Шляюсь же туда-сюда, как челнок по основе. Сейчас вернусь обратно, а там пустая каюта.

Я действительно чуть было не повернула назад. Но подумала, что это всегда успеется.

Анастасия ли или её призрак, высшие ли силы или сдвинутая фаза моих измученных нейронов, неважно. Волшебный пендель был дан и терять направление не стоило.

Время не ждет. Что там Маленькая сказала, неизвестно где я, и мест хранения может быть не одно. Не будем тратить времени.

Я помахала конечностями, вспоминая как это делала гедла и повернула направо. Не ошиблась. Узкий коридор вывел

меня в большой круглый холл со множеством дверей.

Уже подлетая к холлу, я почувствовала легкое беспокойство. Что-то было не так. Не так как там, откуда я только что прилетела.

Холл был пуст и чист. Подозрительные трупы по углам не валялись. Ни одна из дверей не была помечена кровавым крестом с жуткими потеками. Да что не так-то?

Я «втянула» в себя «воздух». Будь я в своей тушке это получилось бы очень шумно.

Шум!

И эта легкая дрожь в воздухе!

Здесь работала вентиляция!

Йоохуу! — Завопила я и нырнула в ближайшую дверь, даже не потрудившись поискать символ, нарисованный гедлой.

Если честно, я про него просто забыла.

Эта часть корабля точно была медцентром. Каюты были не очень большие и в каждой стоял какой-нибудь медицинский прибор.

Зубное и гинекологическое кресло. А что? *Звездонавты* тоже люди. У них и аппендикс воспалится может, и зубной нерв.

Вот, кстати и операционная. Стол, софиты. В углу радиоактивный стерилизатор. Романтика.

Сразу после операционной я попала в большую каюту, разделенную на отсеки невысокими ширмами.

В каждом отсеке стояла террокамера. Кажется, я попала куда надо. За первой же ширмой я обнаружила свое ненаглядное тело.

Верхняя часть камеры была снята.

Ольга лежала на спине, одетая в легкую белую пару, и глубоко и ровно дышала.

Я тихо подплыла к ней. Вытянулась и слилась с её телом. Ничего не произошло.

Ну да. Я ведь обычно проникала внутрь тушек только через глаза. Но как её разбудить? Пинать бесполезно. Она ничего не почувствует. Хотя, почему это не почувствует? Я же могу двигать предметы. И дикарей вполне себе успешно щипала за их круглые задки.

Но пинать свое собственное, родное и с таким трудом выращенное тело, я не хотела. Вместо этого, я осторожно прикоснулась к её щеке ладонью и погладила.

Ольга всопнула и, недовольно нахмутив бровки, мотнула головой.

Я похлопала её по плечу.

— Вставай. — Прошептала я, даже не надеясь, что она услышит. Но её глаза распахнулись. Так резко и неожиданно, что я слегка отшатнулась.

— Ты меня слышишь?

Я ткнула её пальцем в плечо. Ольга провела бессмысленным взглядом по потолку и слегка пошевелила пальцами. Я попыталась поймать её взгляд, но попытка проникнуть в

свое собственное тело успехом не увенчалась. Я просто проплыла сквозь нее.

Так. Не получается. А почему? Она что, уже разумна? Но как? Я же тут. Что могло случиться?

Сделав еще несколько попыток, я решила вернуться к гедле. Может подскажет чего умного.

— Нашла?

Маленькая кинулась мне навстречу едва моя голова прошла сквозь дверь.

«Да»

— Отлично. Соединиться попробовала?

«Да»

— Получилось?

Гедла задала вопрос таким неуверенным тоном, что было ясно, она и сама уже всё поняла.

«Нет»

Я опустилась на пол в позу лотоса и скрестила руки на груди. Анастасия села напротив.

Мы немного полюбовались друг на друга.

— У меня куча вопросов. — нарушила гедла нашу медитацию. — Но с простыми «да» и «нет» ничего не получится. Впрочем, попытаться стоит.

Она наклонила свою хорошенькую головку и замерла. Видимо, думала.

Я разглядывала разноцветную стену в ожидании.

— Ты не можешь сливаться со всеми подряд? — наконец то разродилась она гениальнейшим вопросом.

Я закатила глаза под лоб и подняла левую руку. Самой то трудно было догадаться? Если б со всеми, я вселилась бы в Няньку и разбила её голову о ближайший косяк ещё там, на Земле.

Анастасия будто мои мысли прочитала.

— А ты никого больше не видела?

«Нет»

Я слишком резко вскинула руку, и маленькая почувствовала мое раздражение.

— Не дергайся. Я на твоей стороне. Впрочем, мы всегда были на одной стороне. Только в разных концах. Слишком поздно я это поняла. Но ничего. Пока мы обе еще живы, всегда есть шанс всё исправить. Правда?

Мне стало стыдно. Не так чтобы прям сгорела, но все-таки. Я глубоко вздохнула, успокоилась и тут же поняла, что злюсь не на гедду, а на невозможность вести нормальный конструктивный диалог и решать проблему сообща, а не взваливать все на хрупкие плечики Анастасии.

— Дай мне минуточку. Я подумаю.

Гедда встала и прошлась по комнате.

— Твое тело — это единственный шанс для всех нас. Надо понять, почему ты не можешь с ним слиться.

— Да потому что она не тело! — Крикнула я. Но меня не слышали.

— Мне нужно время.

Гедлочка повернулась ко мне.

— Я так рада что ты здесь, что ничего не соображаю. Давай, ты пока по кораблю полетай. Может чего интересного найдешь или услышишь. А я успокоюсь, прикину палец к носу. Глядишь и надумаю чего умного.

Я вообще-то собиралась домой. Но после слов маленькой подумала, что действительно надо немного задержаться на корабле

Я бродила по коридорам, заглядывала в разные отсеки. Видела, как члены экипажа занимались своими делами. Кто-то что-то чинил, кто-то изучал голографические карты, кто-то просто пил пустую воду, глядя в иллюминатор на далекие звезды.

Иногда они перекидывались ничего не значащими фразами, но чаще просто проходили мимо друг друга.

В узком тупичке двое бывших горожан сидели у стены и играли в минибол. Точнее перекатывали друг другу шарик.

Я узнала одного. Он работал на строительстве моего дома. Ан. Точно, Ан. Совсем молоденький.

Я присела перед ним на корточки и заглянула в глаза.

— И куда же ты, дурашка, ломанулся? Сидел бы дома, женился бы давно.

Парень, как и Анастасия недавно, будто меня услышал. Сжал шарик в руках, а потом со стоном швырнул его в стену.

Второй молча посмотрел на Ана, обнял себя за колени и

уткнулся в них лицом.

— Идиот. — простонал Ан. — Какой же я идиот.

— Сам идиот и меня за собой потащил. — Пробухтел второй парень.

— Потому что ты идиот. Был бы умным — думал бы своей головой.

— Ты!..

Парень вскочил и набросился на Ана. Тот не остался безучастным.

— Тише, мальчики, тише.

Я на автомате вклинилась между ними.

Парни немного посопели, расцепились и расплзлись по сторонам.

Неужели они и правда слышат меня на каком-то из подсознательных уровней?

Я решила продолжить эксперимент.

— Успокойтесь. — Во весь голос произнесла я. — Все будет хорошо. Только потерпите и не поубивайтесь тут.

Парни продолжали злобно сопеть.

Попробуем по-другому.

Я прикоснулась лбом ко лбу Ана и повторила свою великолепную речь. То же самое проделала и со вторым парнем.

— Ладно. Не сердись, Ир. Это все от голода. Надо подождать пока ихний гиперлуп не зарядится. Наберем скорость и тогда все будет. И еда, и новые миры.

— Не ихний, а ихонный.

Мальчишки тихонько хохотнули, сцепили руки и поднялись, помогая друг другу.

— Пойдем хоть кипятка попьем. До ужина еще далеко.

Парни ушли, а я уселась под стену и задумалась.

Перво-наперво надо проверить мои догадки. Но это я смогу сделать только дома. А вот инфу про зарядку двигателя надо узнать точнее. И это тоже я могу сделать только дома.

Ну и чего, спрашивается, я тут расселась?

Глава 10 Тирания и свинина

Прежде чем воскресать, я подплыла к Марию. Он всегда дежурил возле моей тушки и никому не доверял эту миссию. Прикоснулась лбом к его лбу и спросила: — Есть хочешь?

Марий облизнул и закусил нижнюю губу, продолжая неотрывно пялиться на мое бездушное тело.

— О чем ты думал только что?

Спросила я, едва разместившись в тушке.

— О разном, а что? — недоуменно ответил Марий.

— А конкретно? Вот как раз перед тем, как я вернулась?

— О корабле. О тебе. О том, что там вообще, происходит.

— А вот прямо за секунду до? Когда ты губы облизнул?

Марий слегка напрягся, вспоминая, улыбнулся и выдал.

— О мясе.

— О каком мясе?

— Там Киса вернулся. Приволок чухов. Пять штук. Лунна сейчас на кухне колдует. Наши все работу забросили, столовую в осаду взяли.

— Пять штук? Как он допёр столько?

— Он на «Визиге» был. Наловил там, а парни их связали веревками и на него навьючили.

— Молодцы. Все молодцы. Всем по медалям. Но потом. А сейчас в столовую, пока там еще не всех чухов обглодали.

— Сначала считка.

— Ы-ы-ы-ы. — Привычно взвела я в потолок и поплелась к креслу.

— Ну что-ж. Хотя бы стал понятен твой вопрос. — Сказал Марий посмотрев, очередную серию. — Теперь можно и пообедать. Твои похождения вечером обсудим.

Примерно на полпути к едальне из-за угла выскочила огромная серая зверюга и бросилась прямо на меня. И валиться бы мне в ледяной пылуке и слюнях Щена, если бы не Марий. Он просто отодвинул меня в сторону и пушистый бульдозер пролетел мимо.

Взвизгнув от досады, пес развернулся и счастливое воссоединение наконец то состоялось.

Пока мы с Щеном взаимно облизывали друг дружку, сбоку неслышно подкрался Киса.

— А меня лизнуть не хочешь?

— погоди полчасика пока Щен успокоится. — Ответила я, с трудом уворачиваясь от песьего языка.

Киса ждать не собирался. Он просто прижал Щена лапой и подставил мне свою морду.

Моих объятий хватило только на половину его башки. Я звонко чмокнула Кису прямо в черный нос и спросила. — Где вас носило столько времени?

— То тут, то там. — промурлыкал робот, потираясь щекой об мою макушку.

— И где это «там» находится? — Спросила я, отодвигаясь

от Кисы.

Мои волосы встали дыбом. Киса заржал. Фокус с электризацией был его любимой шуткой.

— Думаю, тебе знакомы эти места.

— А, ну да. Марий говорил, что вы на Визиге были. Далековато гуляете.

Я с трудом вернула на место вздыбленную шевелюру.

— Кому далеко, а кому вечерняя прогулка, правда, Щен?

Робот наконец то поднял лапу и погладил придавленного псюна.

— Зато мы вам мяска принесли, как ты и просила.

— Когда это я просила?

— Да вот, буквально несколько дней тому. Мария просила, чтобы мне передал.

— И он передал? Ты передал? — Повернулась я к парню.

— В этом нет нужды. Ты забыла, что я подключен к Базе и знаю всё, что здесь происходит.

— Да я и не знала об этом никогда. — Ошарашенно ответила я. — Что, прям совсем всё?

— Не смущайся. Я умею отключаться в нужные моменты.

— Мурлыкнула белая зараза, вогнав меня в краску окончательно.

— Э-э, мы, наверное, пойдем. Пообедаем.

Киса кивнул и подмигнул мне зеленым глазом.

Щен отряхнулся и занял свое законное место рядом со мной. Так мы и вошли в едальню.

Следом за нами просунулась голова Кисы, выслушала кучу аплодисментов и благодарностей и исчезла.

Мы с Марием уселись за свободный столик и тут же получили свои порции восхитительного бефстроганова. От одного запаха у меня свело живот и рот наполнился голодной слюной.

Мясо. М-м.

После кашевой диеты вкусовые рецепторы стали настолько чувствительны, что банальное, в общем то, блюдо, превратилось в пищу богов. Симфонию для языка. И я смаковала каждый кусочек, стараясь не пропустить ни единой нотки.

Щену достались обрезки и пара сахарных косточек.

Лунна даже не пыталась спорить с тем, что пес находится в её стерильной столовой. Если уж даже я бросила попытки оставлять псюна за дверью, то другим не стоило даже пытаться. Проще было кормить на улице меня. Но этого тоже пока никто не решился предложить.

Немаленькая порция закончилась очень быстро. И не только в моей тарелке. Уры печально подбирали лепешками последние капельки соуса, когда из кухни высунулась наша богиня плиты и сковородок, и возвестила.

— Кто хочет добавки, подходите сюда. Я помощниц по домам отпустила. Так что тарелки будете сами мыть.

Истощенные кашей ученые, воодушевленные добавкой, готовы были не только тарелки вымыть, но и всю кухню вместе с поварихами.

Подождав пока схлынет поток страждущих, я подошла к раздаче со своей тарелочкой.

— Много не накладывай. Я уже наелась, но твой бефстроганов так шедеврален что хочется обожраться.

— Довольная Лунна разулыбалась, а я коварно продолжила.

— А мяса еще много?

— На завтрак хватит. — Ответила та, заглянув в кастрюлю.

— Я не про это мясо. Я про туши.

— Туши? — насторожилась Лунна.

— Да мне много не надо. Полсвинки достаточно.

— Куда тебе? — раздался голос Мария.

— Гедлам. — набычилась я. — А что. Нельзя?

— Дивная, тебе можно всё. Но отнимать еду у людей и отдавать её...

— Гедлы тоже люди. — Перебила я парня, не дожидаясь пока он озвучит свои... хм... взгляды.

— Напомни мне, милый, говорила я уже, что гедлы мои подопечные, и чтобы их никто и пальцем тронуть не смел?

— А я их трогаю?

— И гадости про них говорить не смей. — Прошипела я. — Они точно такие же люди, как и мы с тобой. И тоже имеют право на свой кусочек мяса.

— Ты за идиотов своих не беспокойся. Они питаются лучше нас.

— И где же они еду берут?

— Их горожане подкармливают. А у горожан запасы есть, не волнуйся.

— Ты уверен?

Я вспомнила, какими голодными глазами смотрели дети на фрукты от эльфов.

— Уверен. Они приносят нам десятину. И я точно знаю у кого чего и сколько.

— И у всех есть все?

— Ну, не всё и не у всех. Но они там между собой разберутся. Общего количества продуктов хватит на всех.

— Ты идиот? Что значит общего? У них там не коммуна. У кого-то может и полные закрома, а кто-то последние крохи собирает.

— И что ты хочешь предложить по этому поводу? Отобрать запасы у тех, кто впахивал весь сезон и поделить на тех, кто ленился?

Не произнеси Марий этой фразы я бы именно это и предложила. Но в его устах идея продразверстки прозвучала так жутко и пошло, что я смогла только рот раскрыть.

Лунна только головой вертела.

— Так что, тушу то половинить?

— Нет.

— Да.

Мы с Марием ответили одновременно.

И тут меня накрыло. Я со всего маху треснула тарелку об

пол и зарычала.

— Слушай, ты, не лезь куда не просят! Тут я распоряжаюсь, понял! И если я сказала «да», то так оно и будет! Мяса он пожалел. Да захочу, вообще все туши туда уволоку!

В едальне воцарилась мертвая тишина. Уры замерли, не донеся ложек до открытых ртов и повернулись в нашу сторону.

«Господи, что я несу» — подумала я с ужасом. — «Аль, немедленно закрой свой глупый рот».

Но мой рот действительно оказался глупым и не стал слушать умных мыслей.

— Что уставились? Вкусно вам? А другие пусть голодные сидят?

— Аль.

Лунна осторожно коснулась моего плеча. Я дернулась и посмотрев прямо в глаза Мария, прошипела.

— Выдай Кисе свинью. Целую!

Киса тащил тушу, а я шагала рядом, печатая шаг.

Возле ворот он остановился, выплюнул чушку на снег и вытер пасть лапой.

— Устал? — язвительно спросила я.

— Скажем так. Решил выяснить, как ты собираешься действовать дальше.

— В каком смысле? Мы сейчас унесем мясо гедлам и всё. Какие-то сложности?

— Имеют место быть. — робот слегка поклонился. Или кивнул так медленно и величаво, что я сама чуть было не поклонилась в ответ.

— Во-первых, если мы пронесем тушу через весь город и на глазах у всех отдадим ее гедлам, то у горожан возникнет вполне справедливый вопрос — почему не им? Не думаю, что рейтинг уров и гедлов в городе после этого повысится.

— А во-вторых? — мрачно спросила я.

— А, во-вторых, гедлы не едят мяса.

— Что, совсем?

Киса изобразил на морде отвращение и помотал башкой.

— А что они едят?

— Не могу знать. Меня к ним не пускают. Но с голоду там ещё никто не умер.

— Ещё?

— Моя мадонна, туда не пускают меня, но ты в любой момент можешь сходить к своим драгоценным друзьям и разузнать все на месте. Из первых рук, так сказать.

— Слушай, а что в городе действительно всё настолько плохо с едой? Я понимаю, что мы в режиме жесткой экономики, но мне никто не жаловался.

— Деточка, а кто осмелится? Ты носишься по Городу как ужаленная. Раздаешь указания, которые больше похоже на пинки, не давая себе труд объяснить, почему надо сделать так, а не иначе. Осталось ввести систему палочных наказаний.

— Что за чушь ты несешь? — Рывкнула я.

— Во-о-от.

Киса ткнул меня в грудь коготочком размером с мое предплечье.

— О чём я тебе и толкую. На Мария наорала. Уров зашугала до икоты.

Я осторожно отвела коготь от своей груди и уселась прямо на тушу.

— Все действительно так страшно? — растерянно спросила я. — Но я же хочу как лучше.

— Благими намерениями... — Промурлыкал робот.

Я спрятала лицо в ладонях.

— Нет. Не может быть. Я же живу для этого города, для горожан, уров, гедлов. Всё делаю, чтобы стало лучше.

— А кто спорит? Никто не спорит. Я лучше других знаю, что ты прямо горишь на этом алтаре. И готов согласиться, что стратегия твоя достойна уважения.

Киса улегся и обвил меня своим горячим телом. Наверное, специально подогрев включил.

— Но вот с тактикой ты немного ошиблась. Люди, в массе своей, не умеют смотреть в далекое будущее. Но они прекрасно видят, что происходит здесь и сейчас. А ты выматываешь себя и требуешь того же от других. По собственному опыту могу сказать, что затянувшийся бег приводит к перегреву узлов и критическим поломкам. Себя надо беречь, ибо никто другой не справится с этой задачей так хорошо, как

ты сам.

Киса провел кончиком хвоста по моему лицу.

— Вот что мы сейчас сделаем. Ты пойдёшь в свою камору, завалишься на постельку и слетаешь к своим приятелям. И чтобы раньше, чем завтра, я тебя не видел. А потом мы сядем и спокойно обо всем поговорим. Ну а тушку я обратно Лунне унесу.

Отчет 22 ноября

База «Визиг»

Двадцать второй день десятой луны.

Территория горного шельфа условное название «Вершина мира». Объект исследования. Перевальный тоннель. (Точное местоположение в отчете №1)

Влажность воздуха повышена, что указывает на наличие источников влаги, предположительно, грунтовых вод. На стенах и своде тоннеля обнаружены отложения минеральных солей, в частности карбонатов кальция и магния. Анализ этих отложений позволит установить возраст тоннеля и получить информацию о химическом составе подземных вод. Для установления точного возраста тоннеля и подтверждения его искусственного происхождения запланировано проведение радиоуглеродного анализа органических материалов, обнаруженных в отложениях на стенах и своде. Кроме того, будет проведен анализ структуры и состава строительного материала, использованного при возведении тоннеля

(в случае подтверждения искусственного происхождения). Результаты этих исследований позволяют определить время строительства и технологию, которая была использована.

Помимо радиоуглеродного анализа и изучения строительного материала, планируется:

— Георадарное обследование тоннеля и прилегающего массива пород. Это позволит выявить скрытые полости, трещины или дополнительные конструкции, не заметные при визуальном осмотре, а также уточнить границы распространения влагонасыщенных зон.

— Гидрохимический мониторинг — регулярный отбор проб подземных вод из возможных источников инфильтрации. Анализ содержания ионов и изотопного состава воды поможет установить её происхождение (метеорные, глубинные, смешанные воды) и динамику взаимодействия с породами.

Морозный рассвет едва пробивается сквозь плотную пелену облаков. Зима в горах и так сурова, а февраль в этом году особенно злой. Ветер свистит между скал, а снег хрустит под ногами, будто стеклянный.

В лагере уже кипит жизнь: над каморами клубится дым, из столовой доносится запах жареного мяса.

Светловолосый мальчишка ловко колет небольшие чурочки и смеется, когда чурочка разлетается с первого раза.

Первый смотрел на эту пастораль, и вечная боль в груди

отступала.

Мальчишка здорово вырос со дня их знакомства. Тогда это был пухлый малыш, который даже не все слова правильно мог выговорить, а сейчас никто бы не сказал, что ему идёт всего седьмой год.

Завтрак проходил шумно.

— Чем занимаемся сегодня? — Спросил Лещец

— Как обычно. — Сидящий рядом с Лещецем Валериан подтолкнул его плечом.

— Совершаем невозможное, спасаем мир, ищем то, чего не существует и доказываем то, что и так очевидно.

— Рутина. — вздохнул Лещец.

Первый оглядел команду.

— Сегодня у нас важная задача: собрать данные, не замёрзнуть и вернуться целыми.

— Звучит как вызов, — рассмеялся Макс.

— Это не вызов, это инструкция, — серьёзно сказал Первый. — Макс, ты с Лещецем — северный склон, будьте внимательны к трещинам. Я с Райлом — вдоль русла.

— Я буду тебе помогать! — воскликнул Райл, вскинув сжатые кулачки.

— Разумеется, крестник, — тепло улыбается Первый. — Остальным работать по вчерашним заданиям, и чтобы мне без сюрпризов.

— Без сюрпризов скучно.

— Потому и страшно.

— Шан, а у нас в ущелье есть тайный грот! Там летучие мыши спят! Я их видел! — похвастался Райл.

— Летучие мыши, говоришь? — Первый прищуривается.
— А ты не боялся?

— Не-а! Они тихие. Только шуршат.

— Шуршат, это хорошо. Нам тоже шуршать надо.

Первый хлопнул ладошками по коленям и встал.

— Тогда в путь! И помните: если что-то идёт не так, осмотритесь. Возможно, это вы!

Лёгкий морозец кусал щёки, когда Первый и Райл пробрались через заснеженную чащу. Ветер свистел в ущельях, будто старый знакомый, шепчущий забытые секреты.

— Смотри, — Первый присел, указывая на следы, отпечатавшиеся в рыхлом снегу. — Рысь. Видишь, как пальцы собраны? Она кралась, как тень.

Райл затаил дыхание, его пальцы сжали край Первого полушубка.

— А она... опасная?

— Для тех, кто не умеет слушать лес — да.

Мальчик кивнул, старательно впитывая науку. Его щёки порозовели от холода, а глаза блестели, будто впитали весь свет зимнего солнца.

— Ты дрожишь, — пробормотал Первый, снимая с себя тёплый вязаный шарф и намотав его на плечи и шею мальчишки.

— Не-а, — Райл упрямо потёр нос. — Просто... ветер

дует.

Первый усмехнулся.

— Ладно, храбрец. Ты главное уши не отморозь. Девушки любить не будут. Райл засмеялся. Первый замер. Это её смех. Это у неё Райл научился смеяться так, будто весь мир принадлежит ему.

К лагерю они вернулись уже в сумерках.

Ол быстро передела сына в сухое и теплое белье, укутала его сразу в три пледа и сунула в руки чашку с горячим питьем.

— Опять промочил сапоги! Ну сколько можно! — ворчала она, заботливо подтыкая плед под его ноги.

А Райл только смеётся, прижимая к груди найденный на склоне необычный камень — «самый красивый в мире», как он торжественно объявляет.

Вечером, когда мальчик уже уснул в одной каморе со своими родителями и младшим братиком, который родился всего две луны назад, Первый, по своему обыкновению, вышел полюбоваться на звезды.

Рыжий Фэт если и ревновал своего сына к Шану, то старался этого не показывать, прекрасно понимая, что Шан даст Райлу гораздо больше, обучая его тому, о чем он, Фэт, не имеет даже понятия.

А для Первого мальчик был не просто учеником. Райл был отмечен благословением Её любви и само его присутствие рядом, давало иллюзию надежды.

Первый и сам бы не смог сказать, на что именно он надеется, но старательно сберегал искру этой иллюзии.

Глава 11 В гостях у гедлов

Я решила последовать совету мудрого Кисы. Точнее двум его советам. Именно в той последовательности, в какой и получила их.

Проводив взглядом робота, который балетным шагом дефилировал обратно в едальню, задрав пушистый хвост как флаг, я глубоко вздохнула и отправилась к гедлам.

Соскучившийся Щен путался под ногами и время от времени пытался свалить меня с ног. Ещё немного и у него это начнет получаться.

Редкие прохожие здоровались со мной и спешили дальше по своим делам. Никто не бросался мне под ноги с просьбой о кусочке хлебushка, но всё-таки, противный червячок копошился в моей беспокойной душе. Вместо того чтобы хватать первого попавшегося и пытаться его насчет дневного меню, я завернула к нашему управляющему рынком.

Того на месте не оказалось, но я была уверена, что он скоро появится. Так и случилось.

Гар, пыхтя как паровозик, вкатился на помост и остановился перед дверью, чтобы немного отдышаться. Я наблюдала за ним через небольшое окошко и он, почувствовав мой взгляд, заметил меня через стекло, улыбнулся и вошел в камеру.

— Надеюсь, ничего серьезного не случилось?

— Я тоже рада тебя видеть Гар. Доброго тебе вечера.

Только произнеся последние слова я поняла, что на дворе действительно уже вечер и почти стемнело, и значит сейчас время отдыха, которое я нагло ворую у нашего семьянина.

— Извини, я не поздоровался.

— Извини, я не вовремя.

Произнесли мы одновременно и оба замолчали глядя друг на друга.

Я махнула рукой и Гар сел на краешек кресла.

— Еще раз извини, что побеспокоила тебя, но я ненадолго. Надо выяснить, как у нас народ питается.

— Зачем? — удивленно спросил управляющий.

— Надо. — лаконично ответила я.

Если честно, то я и сама не знала, что буду делать если выяснится, что горожане доедают последние крохи.

— А что конкретно надо узнать?

— Конкретно?

Я в задумчивости почесала нос. Что именно мне надо знать?

— Конкретно все. Сколько у них продуктов? Хватит ли до урожая? Нет ли у них излишков для продажи?

Гар нахмурился, словно переваривая мои слова. Видно было, что он не привык к таким расплывчатым задачам. Обычно от него требовались чёткие отчеты, цифры и графики, а тут... «все».

Он нахмурился, откинулся на спинку кресла и сцепил

пальцы на пухлом животике.

— Разве в Центре нет этих данных?

— Гар. В Центр приносят десятину. Десятую часть того, что семья собрала или сделала. Но, во-первых, семьи у нас разные. В одной пара молодых и физически здоровых людей, а в другой старики и дети. Во-вторых, не все выращивают коз. Кто-то одну воду продает.

Я вспомнила Майю. Чем они с Ваманой питались зимой? Водичкой с сиропом?

— То есть, мне надо узнать количество продуктов в каждой семье, поделённое на количество членов семьи в этой же семье?

Я потрясла головой.

— Что-то ты больно накрутил, Гар. Знаешь, давай сделаем проще. Ты выяснишь у кого есть лишние продукты, которые можно продать и при этом самим не помереть с голоду, и узнаешь, нет ли у нас семей, которые испытывают нужду в продуктах. Понятно?

— Как скоро тебе понадобится эта информация?

— Судя по тому, что меня по дороге никто не попытался слопать, время у нас есть. Так что сейчас можешь идти отдыхать. Передавай привет Лане.

— Хорошо, я передам.

Толстячок вскочил с кресла, довольный, что может вернуться домой, а не бежать по домам на ночь глядя.

Гар исчез, а я достала из шкафчика световой шар, под-

ключила его к кольцу и отправилась к гедлам.

На рядах безымянных было пусто. Я огляделась и не увидев, как обычно, своего приятеля, двинулась вглубь рядов.

Жилые домики наших парий прятались в густых зарослях рени. Зимой здесь было очень красиво, но сейчас холодные ветры сбили снежную опушку и черные веточки торчали во все стороны, вызывая о тепле и горячем Солнышке.

У гедлов не было стеклянных окон, но в одном из домиков горел свет. Я заметила тонкую полоску из-под плохо пригнанной двери.

Я постучала.

— Эй, вы там не задохнулись?

Дверца отворилась с тихим скрипом и наружу высунулась перемазанная мордочка.

— Привет. Можно к вам в гости?

Мордулька улыбнулась и двери распахнулись настежь.

Внутри и правда оказалось душновато. И не сказать, чтобы очень тепло.

В тесной комнатухе сидело человек десять взрослых гедлов и трое детей разного возраста.

Моего приятеля среди них не было.

— Доброго всем. — поклонилась я. — Я дико извиняюсь, что так поздно, но вы ведь еще не собираетесь спать?

— Нет, что ты.

Пожилая, но еще сохранившая следы былой красоты, гедла приглашающе указала мне на круглый коврик на полу.

Остальные сидели точно на таких же ковриках, и я плюхнулась на свой. Уселась по турецкий, скрестив ноги и осмотрелась. Щен скромно пристроился у меня за спиной.

Бедненько, но чистенько. Пол застелен лапником в несколько слоев, но все равно снизу тянет холодом. И тонкие коврички мало помогают. Все присутствующие закутаны в тулупы и толстые пледы, которые я им наделала еще осенью. Лица гедлов, даже молодых, выглядели будто вырезанными из серого дерева. И ни тени жизни в потухших глазах.

— У вас тут совсем нет печек? — спросила я чтобы хоть что-то спросить. — Сколько вам надо? Я сделаю.

Я была в их хижинах единственный раз. Еще летом, когда заходила проведать маленькую. И у меня даже мысли не возникло, что гедлы могут быть настолько не готовы к зиме. Ведь жили они до меня как-то. Не вымерзли.

Пожилая гедла достала из-за спины мешочек, вынула из него горсть семян и принялась отсчитывать их себе в ладонь.

— У нас есть печи. В жилых каморах. Не беспокойся. — Тихо ответила она, продолжая отсыпать семена.

— А чего тогда вы тут мерзнете?

— Здесь мы вспоминаем тех, кто ушёл. Сегодня ровно полоборота.

— Куда уш...

Я обмерла. Полгода назад случилась та страшная бойня.

— Прости. — прошептала я. — Я помню. Каждый день.

Гедла кивнула и протянула мне семена.

— Здесь двести тридцать два зародыша. По одному на каждого.

— Сколько? — мой голос дрогнул. — Так много?

Я зажала семена в кулаке, закрыла лицо рукой и заплакала. Слезы текли и текли, а гедлы все так же сидели молча и даже не шевелились.

Наконец я успокоилась. Судорожно вздохнула, вытерла мокрое лицо рукавом и посмотрела гедлов. Что-то изменилось. Теперь в их глазах было тепло, а старая гедла улыбнулась мне такой мягкой улыбкой, что я чуть бы не разрыдалась снова.

— С семенами то что делать?

— Что хочешь.

В мире, в котором я родилась, на поминках было принято подавать угощение. Но я сильно сомневалась, что семена, которые мне дала гедла, съедобны. Пошевелив пальцем крошечные гранулы, и как только гедла смогла так точно отсчитать, я осторожно ссыпала их в кармашек, решив посеять во дворике, когда придет весна. И вспомнила, зачем я вообще сюда пришла.

— У вас всё нормально? Еды достаточно, или вы вот этим питаетесь? — кивнула я на мешочек.

— Еды много. Мы ведь заготавливали на всех. Орехи. Грибы. Ягоды. — Тихим голосом ответила гедла и склонила голову, пряча собственные слезы.

К ней, на недоразвитых ножках, подковылял мальчик, лет

десяти по виду, обнял и принялся осторожно гладить по голове.

— Да, а где Горбун? Обычно он всегда меня встречал. Кстати, у вас тут тоже жучки висят где-то, да? Я не скажу урам.

— Нет. Жучков у нас нет. А горбун просто чувствовал твой приход.

— Надо же. Так, где он? Занят чем или спит уже?

— Спит. Он немного заболел.

— Что с ним — Всполошилась я.

— Простыл.

— Вот говорила же ему чтобы не бегал без тулупа. Сильно простыл? Может, лекарства какие надо? И вообще, почему вы в лечебницу не обратились?

— Кто нас туда пустит. — Пробормотала гедла.

— Я. Я вас туда пущу. Точнее, давно уже пустила. Я же говорила горбуну, если что надо, обращайтесь без стеснения.

Гедлы молчали, а я болтала, пытаюсь за болтовней скрыть собственное смущение и хоть немного притушить чувство жгучей вины перед ними.

— Я тут хотела вам мяса принести, но мне сказали, что вы его не едите. Так что я пока без гостинцев.

Я развела руками. Показывая, что никаких гостинцев в них нету.

— Мы действительно не едим мяса. — Прошелестела гедла. — Потому что нам его никто не приносит. Дорогое очень.

Так что мы давно привыкли к растительной пище и мясо действительно будет нам тяжело. Но если бы ты смогла принести курицу. Бульон сварить. Детям бы не помешало.

— Вот паразит- ругнулась я на Кису. — Вернусь, закорочу ему пару схем. Так, где горбун? Его можно увидеть?

Горбун был плох. Он метался на смятой постели и стонал. Я коснулась рукой его лба, и сама чуть не застонала.

— Вы действительно идиоты. Чем вы его лечите? Травками или козьим пометом?

— Травками. — ответила гедла, не поняв моего сарказма.

— Идиоты. — Повторила я. — Немедленно закутайте его потеплее и найдите кто донесет его до лечебницы.

— Но скоро ночь. — прошелестела гедла.

— Я вам должна по сто раз повторять!?! — зарычала я. — Вы почему с первого раза не понимаете!?

Гедлы заметались по комнате и уже через пять минут горбун был закутан и уложен на сани.

Да прости меня Киса, но, когда надо действовать быстро, волшебный пендель лучшее средство.

В лечебнице я завела Щена в котельную и заперла, расцеловав в обе щеки и сто раз попросив прощения. Больница — это не столовая. Тут мытьем с мылом не обходятся.

Растолкала спящую дежурную помощницу и пока она готовила для больного постель, сделала экспресс-анализ и послушала жуткие, булькающие хрипы.

— Двусторонняя пневмония, он же хобл. Он же, падла,

острая инфекция. — пробормотала я сама себе, прочитав распечатку.

— Анна. — позвала я помощницу. — Где полевые аптечки?

— Закончились. — Растерянно ответила девушка. — В школу передали же. Там дети опять засопливили.

— А почему не пополнили?

— Я говорила Лунне. Она обещала завтра прислать.

— Нет, нам надо срочно установить тут средство местной коммуникации. Не пришлось бы сейчас топтать в Центр. Ладно. — я ткнула пальцем в девушку. — Смотри за ним, а я за аптечками сбегая.

— А давай я.

Помощница метнулась к вешалке и схватила шубку.

— Я быстро. Я-то отдохнувшая, а ты вон, вся серая. Посиди. У меня чай горячий есть и там, под салфеткой, коржики остались.

Я не успела и слова в ответ сказать, а её уже и след простыл. Только холодный туман по полу проскользнул.

На меня накатила жуткая усталость и захотелось спать так, будто я не спала ни разу в жизни. Пришлось пошарить на чайной полке. Там нашлась смесь с бодрящим составом. Я заварила покрепче и под села с чашкой к кровати горбуна.

— Держись, дружок. Всё будет хорошо.

Не успела я допить вторую чашку, как вернулась Анна. Вместе с ней пришла и Лунна. Как истинный врач она пер-

вым делом принялась тщательно мыть руки. А я поняла, что моя миссия пока завершена и можно спокойно идти отдыхать. Но представила себе темную, холодную дорогу и решила, что могу поспать прямо здесь. Все равно больных, кроме горбуна, тут нет и места много. По крайней мере, одна свободная кровать найдется.

Кровать нашлась. Но стоило мне коснуться головой подушки и укрыться одеялом, как сон куда-то исчез. Видимо чаёк начал действовать. Я немного покрутилась с боку на бок, а потом поняла, что зря трачу время.

Глава 12 Волшебное озеро

— Я принесла тебе яблоко.

— Пароль принят.

Я повисла на ветви как тряпочка. Даже без тела я чувствовала себя выжатой, как барная апельсинка.

— Что?

— Не бери в голову. Сегодня мне нужно не яблоко, а ваше волшебное озеро.

— Ты хочешь поиграть с малышами?

— Очень хочу. Но не сегодня. Мне надо отдохнуть и подзарядиться.

Золотая положила полосатое с черными черточками, яблоко на большой лист и внимательно оглядела меня. Вернее, то светящееся антропоморфное облачко, каким они меня видели.

— Да, твой цвет изменился. Лети за мной.

По пути к озеру мы миновали много чудес. Вспугнули огромную алмазную стрекозу. Я умудрилась вляпаться в стену, сплетенную из розовых, сиреневых, лиловых, голубых цветов и разноцветное облачко пыльцы летело за мной по пятам еще долго.

Озеро встретило нас серебряным светом полной луны, которая плескалась в прозрачной воде, занимая все пространство собой и своими игривыми зайчиками.

— Посторонись, подружка! — завопила я и плюхнулась прямо в кратер Тихо.

Вода нежно приняла меня в свои объятия и уложила на искристое дно.

Глубина озера обволокла меня прохладой и покоем. Я чувствовала, как усталость покидает меня, растворяясь в серебряном свете. Каждая частица моего существа, казалось, впитывала живительную энергию, исходящую из самого сердца этого волшебного места.

Усталость и раздражение, скопившиеся за последние месяцы, постепенно отступали. Я лежала на дне, ощущая мягкость песка, и наблюдала за танцем лунных лучиков.

Я почувствовала, что растворяюсь в этой волшебной воде, превращаюсь в рыбок, в песок и в каждую травинку, растущую на дне озера. Вся моя сущность наполнилась тихим восторгом от возможности быть частью этого удивительного мира.

Яркий свет пощекотал мои веки и ко мне начало возвращаться осознание самой себя. Я не торопилась открывать глаза и позволила себе еще немного понежиться.

Погладила ладонями песок, погребла руками, ощущая лицом и телом движение воды. Так хотелось остаться тут навечно, но там, наверху, меня ждали друзья и, как бы странно это ни звучало, но еще больше там меня ждали недруги.

Нехотя распахнув глаза, я увидела, как солнечный свет проникает сквозь толщу воды, рассыпаясь мириадами брилл-

лиантов вокруг.

Странное чувство легкости наполняло меня, словно я и вправду стала частью этого водного царства.

Я почувствовала шевеление рядом с собой. Небольшая стайка серебристых рыбок, будто зачарованные, кружилась вокруг, не боясь прикосновений. Они деликатно касались моих рук, щек, словно приветствовали новую обительницу озера.

Внезапно, в глубине озера, я увидела мерцающий силуэт. Он приближался медленно, но уверенно, окутанный светящейся дымкой. Любопытство взяло верх над опасением, и я затаила дыхание, ожидая, что произойдет дальше. Силуэт стал яснее, и я различила изящную фигуру женщины с длинными развевающимися волосами, сотканными из солнечного света. Ее глаза светились мудростью и спокойствием, а улыбка была наполнена нежностью. Женщина приблизилась ко мне и, протянув руку, коснулась моего лба.

В тот же миг, в моей голове пронеслись картины далеких времен, истории о силе природы, о связи всего живого и о мудрости, скрытой в глубинах этого озера.

Я поняла, что это место — не просто водоем, а портал в другой мир, где реальность переплетается с магией.

Когда видения стихли, женщина убрала руку и произнесла едва слышно: «Помни о силе, что дремлет внутри тебя, и никогда не забывай о связи с природой. Она — твой источник жизни и вдохновения». С этими словами она растаяла,

превратившись в свет, и оставила меня наедине с собой и новым осознанием.

Я еще долго лежала на дне озера.

Реальный мир звал меня, но я боялась пошевелиться чтобы не расплескать это новое понимание. Это подаренное мне знание о силе природы и магии, живущей внутри каждого из нас.

Но время шло, великие дела звали все громче, и я, тихо оттолкнувшись от дна, начала медленный подъем, пытаюсь еще хоть на одно мгновение отдалить расставание с озером. Рыбки целовали меня, обещая новые встречи, а я превращалась в одну огромную улыбку.

Поднявшись на поверхность, я оторопела. Вокруг озера собрались, наверное, все эльфы. Никогда не видела их столько сразу.

Они стояли в человеческом обличье. Преклонив колени и прижав правые руки к сердцу.

Это они меня, что ли, так чествуют? За что? За то что проспала почти сутки на дне озера?

Я подплыла к своей золотой подружке.

— А что происходит? Я попала на какой-то ваш праздник? Надеюсь, не помешала?

— Отныне мы будем праздновать этот день каждый оборот! — Торжественно провозгласила эльфа, глядя на меня влюбленными глазами.

— Да что случилось то?

Я посмотрела на остальных эльфов. В их глазах светился тот же восторг, что и в прекрасных очах Золотой.

— Она говорила с тобой.

— Кто?

— Мать.

Эльфы одновременно коснулись ладонями земли и снова прижали их к сердцу.

Я подумала про женщину в озере.

— Так мне это не привиделось? Она действительно существует?

— Смешная. — Эльфа улыбнулась. — Оглянись вокруг. Существует ли то, что ты видишь? Это все Она.

Я обвела взглядом берег, весь заполненный эльфами. Озеро, в котором плавали маленькие рыбки и белые облака. Реликтовые сосны, в чьих кронах запуталось Солнце. Глубоко вдохнула пьянящий воздух и опустилась на одно колено. Прижала правую ладонь к земле, а потом к своему сердцу, давая неслышимую клятву, до самой своей смерти и после нее, делать всё, что в моих силах, чтобы защитить прекраснейшую из планет по имени Земля.

Эльфы не позволили мне улететь сразу. Стоило мне подняться с колен, как они запели.

В их песне не было ни слов, ни мотива, но она пронзила меня тысячей мягких молний, проникла в каждую мою клеточку и взорвала их. Счастье, восторг, сила и любовь кипели

во мне, выжигая боль, усталость и разочарования.

А потом эльфы воспарили вверх и начался самый волшебный и причудливый танец, каких еще никто не видал.

В полете они превращались в огромных бабочек, стрекоз, невероятных птиц, змей, тигров, белогривый лошадей и величественных слонов. А потом все они слились в одно и превратились в сияющего дракона. Точно такого, что я видела в своем сне.

Я не выдержала наплыва эмоций. Завопив, что есть мочи, я взлетела над озером, раскинула руки и представила, что я Солнышко.

Наверное, у меня получилось, потому что дракон затанцевал вокруг меня, переливаясь тысячами красок и оттенков. А потом рассыпался на отдельных эльфов, которые образовали сферу и протянули ко мне руки.

«Помни о силе, что дремлет внутри тебя, и никогда не забывай о связи с природой. Она — твой источник жизни и вдохновения» — шептала я, посылая каждому из них свой лучик.

Я физически ощущала каждое их прикосновение и чувствовала их радость.

Наконец эльфы спустились вниз, снова окружив озеро, и песня стихла.

— Благодарим тебя — произнес Фиолетовый
— Это вам спасибо. Такое чудо мне показали.

Фиолетовый покачал головой.

— Ты поделилась с нами Её Словом. Это бесценный дар.

— Да мне не жалко, пользуйтесь — чуть было не ляпнула я, но вовремя прикусила свой вредный язык, чтобы не нарушить торжество момента.

Я подумала, что можно сказать приличного, но на ум ничего не приходило.

А может и не надо ничего говорить. Какой смысл в словах, когда мы, пусть и на миг, стали одним целым. Я действительно поняла, как они воспринимают друг друга. Ах, если бы хоть крошечку этого чуда, да людям. Уверена, в этом мире никогда бы не было ни одной войны.

Глава 12 Подкидыш

Возвращаясь домой, я вспомнила о считке и загрустила. Нет, мои воспоминания не исчезали после неё. Но всё-таки, часть эмоций и ощущений терялась. А я не хотела утратить ни малейшей частички того, что сегодня испытала. Это всё моё, никому не отдам.

Влетая в камору, где меня ждали Марий с нейрошлемом, я запоздало вспомнила, что оставила себя валяться в больничном корпусе. И чуть было не повернула назад. Но в каморе меня ждала не совсем обычная картина.

В кресле сидел Дариан.

Марий, вместо того чтобы бдеть надо мной, или работать, сам лежал под колпаком. Мало того, что он лежал. Он плакал. Слезы, одна за одной, катились по его щекам, а тонкая подушка промокла насквозь.

На соседнем ложе валялась моя собственная тушка. Тоже в нейрошлеме.

— Перетащили уже. — Проворчала я. — Вы мне и помереть спокойно не дадите.

Я посмотрела на свои плотно закрытые глаза.

— Вот как я теперь должна домой возвращаться?

Я ткнула пальцем в свое плечо. Ничего не произошло. Еще пара тычков положения дел не изменили.

Ладно, не хотели по-хорошему, будь по-вашему.

Стакан, скинутый со стола, привлек внимание Дариана. Сначала он с удивлением на него посмотрел, оглянулся и до него дошло, что это «ж-ж-ж» неспроста.

Не зря наши уры считаются умными. Первым делом Дариан отключил от шлема Мария. Тот сел на ложе и закрыл лицо руками.

— Кажется, Аль вернулась. — сказал Дариан. — Отключать?

Марий кивнул, не отрывая ладоней от лица.

Едва мой носитель открыл свои прекрасные глазки я тут же нырнула внутрь.

— Чего режем? Кошмар приснился? Нянька, *поди?*

Марий раздвинул пальцы и посмотрел на меня одним глазом.

— Я скоро начну тебе завидовать. Люто. — сообщил он.

— *Чойта?* — ошалела я от его заявления.

— Глядя, как ты там резвишься, я чувствую себя ущербным.

— Я? Ты.. — Я провела взглядом от его шлема до своего. Они были соединены сервоприводами через какую-то черную коробку со множеством тумблеров и кнопок. — Ты что, смотрел фильму в реальном времени? Это возможно?

Марий достал из кармана чистый белый платочек, вытер личико и кивнул.

— Да. Мне не нравилось, что так много времени уходит на считку. Ты всегда прилетаешь такой уставшей. Вот и при-

думал считать тебя сразу. Ну и сам решил посмотреть.

— Ой, скажи, что ревновал, вот и решил проверить, не завела ли я интрижку с молодым эльфом. — Расхохоталась я.

— Ах ты...

Марий попытался поймать меня рукой, но я увернулась и подбежала к двери.

— Так, раз считка отныне не требуется, то всем пока.

Я схватила с вешалки шубку, открыла двери и тут же была сбита с ног серой жутью.

— Щен! — завопила я выплевывая изо рта шерсть. — Смилуйся!

Тот смиловаться не желал категорически и мне пришлось звать уже к Марию и Дариану. И пока один отгаскивал от меня любвеобильного псюна, второй помог подняться и отряхнуться.

— Ты совсем его не воспитываешь. — Сурово отчитал меня Дариан. — Не забывай, что он растет. И скоро станет совсем неуправляемым.

— Можно подумать, что им сейчас кто-то управляет. — Хмыкнул Марий.

Я насупилась. Уры всегда не одобряли моего питомца. С самого его появления они пытались меня запугать его будущей кровожадностью. Я не желала никого слушать, хотя и понимала, что воспитывать ребенка надо. Если, не дай боже, он когда-нибудь, проявит агрессию, то его не спасет никто и ничто. Распылят и меня не спросят.

Но пока это был просто толстый щенок, хотя и нереальных размеров. Глуповатый, веселый и добрый ко всем, кто угостит его косточкой. Я не представляла, как можно его ударить и пока позволяло время, старательно прятала голову в песок, как страус, пытаясь не замечать этой проблемы.

Нельзя сказать, что я вообще им не занималась. Когда у меня случалось свободное время я полностью тратила его на Щена. Мы гуляли с ним по лесу, прыгали в сугробы, пугали птиц. Щен всегда слушался моих окриков, когда лез куда не следовало, а однажды я сама провалилась в яму и он, скуля и плача, вытаскивал меня оттуда за сук, который я ему протянула.

Он, каким-то шестым чутьем понимал, когда можно побеситься, а когда стоит тихонечко сесть в углу и не отвечивать. Никогда не хватал вкусняшки из рук, а спокойно ждал и аккуратно брал угощение. Рычал только на тех, кого видел впервые и «своих» запоминал раз и навсегда. И очень внимательно слушал мои жалобы на этот жестокий мир.

— Он сам себя неплохо воспитывает. — Проворчала я. — Вашим помощникам у него еще бы поучиться. Пошли, Щен, пусть эти злые дяди сами себя ругают.

— И куда ты собралась? Надолго? На корабль когда собираешься лететь?

Я даже не поняла кто из уров какой вопрос задал.

— Сейчас я схожу к гедлам. А потом полечу. Подождут наши летуны. Не треснут. И да. — Я ткнула пальцем в грудь

Мария. — Если ты еще раз залезешь в мою башку без разрешения, то никаких вам больше счетов. Будете обходиться устными отчетами. Понял?

По дороге я сначала заскочила в едальню, выпросила у помощниц большую авву и собралась было бежать дальше, но голодные глазки Щена меня остановили. Пришлось выпрашивать еще и обрезков. И пока псун наслаждался вкусняшкой, девушки наложили и мне мяса с восхитительным гарниром из земляных чушек. Так назывались тут клубни подозрительно похожие на наш картофель. Только они были совершенно черного цвета и похрустывали даже после варки.

Пыхтя, после непривычно сытного обеда, мы отправились в больничку.

Горбун уже пришел в себя и очень обрадовался нам обеим. И мне и авве.

Анна тут же принесла тарелочку и нож, разделила плодик на тонкие дольки и подала больному.

— Ты извини, я ненадолго. — Сказала я приятелю с удовольствием наблюдая как он смакует кусочки. — Вот проведала тебя, успокоилась и дальше бежать надо. С тобой тут хорошо обходятся? Не обижают?

Я посмотрела на помощницу и улыбнулась. Мол, шучу я, шучу.

— Угррым.

Горбун, широко улыбаясь замотал головой, а девушка все-таки, надулась.

— Кто его тут обижать то будет? Я, что ли?

— Аррыгм.

Горбун протянул к ней лапищу и замахал. А потом выбрал с тарелки самый большой ломтик и протянул ей.

— На.

Анна покосилась на меня.

— Бери, раз угощают. — улыбнулась я. — Он такой. Всех бы накормил. Последнее отдаст. Как тулуп.

— Ы-ы.

Горбун возбудился. Поставил тарелку на колени, подергал себя за грудки и сложил руки, будто качая ребенка.

— А-аа.

— Вам кто-то ребенка принес? — Не поверила я.

— Ы. Ы. — закивал горбун. — У.

Слегка разведёнными ладонями он показал какого размера был младенец.

— Новорожденный, что ли? В смысле? Откуда он? Какая падла... — Я задохнулась от негодования. — У нас же все беременные на учете. Анна!

Девушка чуть не подавилась кусочком аввы.

— Немедленно беги за Лунной. И чтобы одна нога здесь, и другая тоже. Чтобы через пять минут все ваши четыре ноги стояли вот тут. Желательно с вами.

До центра было примерно минут десять. Если быстрыми шагом. Да еще и Лунну там найти. Так что вернулись они только через полчаса.

Перепуганная Анна даже не заметила, что следом за ними в помещение проник Щен.

Чего она боится я поняла, когда перехватила ее взгляд, брошенный на часы.

Да, Киса был прав. Зашугала я народ. Надо исправляться.

— Умница, Анечка.

Я погладила девушку по плечу.

— Быстро вы. Давай, занимайся больным, а мы пойдем. Лунна, не раздевайся.

Добравшись до хижин, я не стала никого искать. Просто встала посреди полянки и заорала.

— Есть кто живой?

Дверцы заскрипели и к нам потянулись закутанные, кто во что, люди. Я нашла среди них пожилую гедду и махнула ей рукой, подзывая.

— Мне тут сорока донесла, что вам дитё принесли. Это правда?

— Да. — Кивнула женщина. — Принесли. Но он совсем больной. Вряд ли выживет.

— Пойдем, посмотрим. — Сказала я Лунне. И повернулась к гедде. — Показывай, где он.

Младенец был действительно крошечный. Чуть больше, чем две моих ладони. И странного оранжевого цвета. Он лежал без движения и только едва открывал свой крохотный ротик.

— Не жилец, не жилец. — пронесся шепот.

Я прижала ладони к щекам.

— О, боже.

— Неудивительно что мамашка принесла его сюда. Смотреть, как он умирает, сил не хватило, а живьем закопать совесть не позволила.

Лунна деловито осматривала младенца. Оттянула веки, пощупала пульс, помяла животик, согнула и разогнула ему ножки и ручки. Дитё даже не вякнуло.

— Но в больницу то почему не пришла? — Спросила я.

— Они пока не особо нам доверяют. — Пожала плечами Лунна. — Сама видела, больница пустая. Думаешь, это потому, что все здоровые?

— И что делать?

— Да ничего. Лечить, кого поймаем. Привыкнут со временем.

— Но они же ходили к вам в Центр. Сейчас то что изменилось?

— В центре они платили. И платили очень дорого. И понимали, что получают то, за что они отдали свои деньги. А в лечебнице бесплатно и они, наверное, думают, что там над ними какие-то опыты проводят.

— Наверное или думают?

— Откуда я знаю. — Отмахнулась Лунна. — Иди и спроси у них сама. А еще лучше, попроси у своих идиотов еще одеяло. Надо его получше закутать.

— В больничку понесем? — Догадалась я.

— В туда. — Кивнула подруга.

— Хочешь сказать, что надежда есть? А что с ним? Он выживет? — Заметалась я вокруг нее.

— Да угомонись ты. Как я тебе диагноз тут поставлю. Похоже на гемолитию, но...

— Это лечится?

Я выхватила одеяло из чьих-то рук и расстелила на узкой кровати. Лунна аккуратно положила младенца и принялась осторожно его закутывать

— В большинстве случаев да, но стопроцентного шанса не дает даже простуда.

— А что это такое, гемо... тия?

— Кровь в нем умирает. — Тихо прошелестела пожилая гедла у меня за спиной.

Я вопросительно посмотрела на свою подругу.

— Так тоже можно сказать. — кивнула Лунна. — Эритроциты в крови разрушаются.

— Так чего мы стоим? Идем же скорее.

— Погоди минутку.

Лунна повернулась к пожилой гедле.

— Ты знала про кровь до того, как мы пришли или знакома с медицинской терминологией?

— Я вижу его кровь. Я вижу, что в теле неправильно. Но я не могу вылечить это. Могу вправить вывих, составить кость при переломе. Но вырезать воспаленную кишку я уже

не умею. Тем более, я не могу исправить его кровь.

— Потрясающе — прошептала Лунна и повернулась ко мне. — Аль, это потрясающе. Ты мне эту гедду береги. Я её себе заберу.

— Пойдешь ко мне работать- Лунна снова повернулась к гедде. — Кстати. Как тебя зовут?

— Я же безымянная.

— А, ну да. Непорядок. Имя дадим. Нельзя такому феномену без имени. В общем, ты подумай и приходи ко мне. Я буду ждать.

Уже выйдя за дверь, я хлопнула себя по лбу и обернулась к гедлам.

— Совсем забыла. Анастасия ваша жива. Маленькая ваша — пояснила я, видя недоумение на их лицах.

— Врешь! — пожилая гедла вцепилась мне в руку. — Где она? Вы её у себя заперли?

— Если бы. — вздохнула я. — Её на корабль утащили.

— Но они же давно улетели. Откуда ты знаешь, что она там?

— Никто никуда не улетел. Висят себе на орбите. Проблемы у них. А Анастасию я сама лично на корабле видела. Жаль, поговорить нормально не удалось. Не слышит она меня.

Гедла недоверчиво на меня посмотрела и сняла с вешалки тулуп.

— Я пойду с вами. Расскажешь мне всё по дороге.

Поначалу рассказ выходил сумбурным. Маленькая, оказывается, ни слова никому не рассказала о моей тайне. Пришлось начинать с момента моего появления в этом мире.

Пожилая гедла ахала и охала, временами хватала меня за руку и просила повторить. Но когда мы дошли до больницы она была уже более-менее в теме.

В больничке Лунна принялась хлопотать над младенцем, а мы с гедлой сели попить чайку.

Пары чашек мне хватило, чтобы довести свой рассказ до конца.

Гедла слушала внимательно, вздыхала и качала головой. Я видела, что она и боится, и хочет поверить мне. Её глаза, как два черных омута, впитывали каждое мое слово. Морщины на ее лице будто стали глубже.

— Это невероятно, — прошептала она, когда я наконец-то замолчала.

— Маленькая рассказывала нам про этих эльфов. Но на наших рядах хватает тех, кто говорит с деревьями, с призраками, с душами умерших. Они достаточно убедительны, чтобы горожане платили им за разговор с любимым дедушкой или рано умершим сыном.

— То есть, вы ей не верили?

Гедла искоса посмотрела на меня и тонко улыбнулась. Понимай как хочешь.

— Но ты же сама не совсем обычная. Кровь, говоришь, видишь. Или тоже обманула?

— Нет. Я не вижу. То есть, глазами не вижу. У меня это здесь. — Гедла дотронулась до своей головы. — Я не знаю, как это объяснить.

— Учиться тебе надо.

Лунна подошла к столику так тихо, что мы её не заметили.

— Вечером я тебе покажу несколько человек, и проверим, что ты можешь и чего не можешь.

Лунна плеснула себе чаю и уселась рядом со мной.

— Так что там с малышом?

— Как и было сказано, гемолития.

— А прогноз?

— Рано говорить, но думаю, все будет хорошо. В любом случае надо надеяться на лучшее. Мы вовремя его забрали. С этим заболеванием чем раньше начнешь лечение, тем лучше.

— Дайте ему имя. — тихо прошептала гедла. — Имя — это очень важно. Имя удержит его.

Мы с Лунной переглянулись, и она пожала плечиком.

— Это твоя забота. Давать имена кому попало.

— Лунна! — возмутилась я. — Уж от кого, кого, но от тебя не ожидала. Когда же до вас дойдет, что они такие же, как и вы. Просто им меньше повезло. Родились не там. Но вот ты же сама притащила за собой эту гедлу. Вцепилась в нее, как репей. И имя ей обещала, между прочим.

— Аль, имя она получит, если докажет, что действительно что-то умеет. — спокойно ответила моя подружка, попивая

чаек. — Если нет — отправится обратно безымянной.

— Ну уж нет, дорогая — прошипела я. — Имя она получит по любому и прямо сейчас.

Я повернулась к женщине.

— Знаешь что, я дам тебе свое имя. То есть то, которое носит мое прежнее тело. Надеюсь, она не обидится. Итак!

Я встала и простерла над геддой длань, подчеркивая торжество момента.

— Отныне и навеки нарекаю тебя именем Ольга! А младенца назовем Олег. — буднично продолжила я и села.

А потом повернулась к Лунне и показала ей язык. Та только хмыкнула.

— И вот ещё что. Когда я разберусь с кораблём, я приду к вам и дам имена всем. И в реестр вас внесу. А теперь мне действительно пора. И вот еще что. — я положила руку на плечо Лунны и склонившись к её уху, зловещим полушёпотом выдала. — Переверни весь город, но найди мне эту горе-мамашу. Я из неё коврик под двери сделаю.

Я уже укладывалась на лежанку в каморе и Марий заботливо укутывал меня в плед, когда туда ворвалась Анна.

— Там это, Аль, гедла твоя... — запыхаясь выдала девушка.

— Что с ней? — Я резко поднялась и плед свалился на пол.

— Не, не... Ты не это... — Анна помахала раскрытой ла-

донью. — С ней всё нормально. Она просила передать. Сон.

— Что сон?

— Сон, это ваша связь. С Ольгой. Тебе надо там уснуть и попасть в её сон.

Я перевела удивленный взгляд на Мария.

— Как хочешь, но я должен это увидеть. — заявил он.

— Как ты собираешься это увидеть, если я даже не знаю, как это сделать?

— Ты что-нибудь обязательно придумаешь. Я в тебя верю.

— Твердо ответил парень. — Так я позову Дариана?

— Стакан на стол не забудь поставить — буркнула я и подняла плед с пола. — А то не знай как вас распинывать.

— А ты не задерживайся там. Возвращайся, пока она не устала и не уснула.

— Ну, это уже как получится.

Отчет 30 ноября

База «Визиг»

Тридцатый день десятой луны.

Территория горного шельфа условное название «Вершина мира». Объект исследования. Перевальный тоннель. Условное название «Тьма». (Точное местоположение в отчёте №1.)

Объект изучения: бактериальная колония. (визуальный осмотр)

Общие сведения

Колония обнаружена на стенках технического тоннеля с повышенной влажностью и ограниченным доступом света.

Макроморфология колоний:

Наблюдаются изолированные колонии со следующими характеристиками:

— Размер: диаметр каждой колонии — 30 ± 1 мм.

— Форма: чётко очерченные овалы с соотношением длинной и короткой осей 1,3: 1.

— Край: идеально ровный, без фестонов, выступов или ветвлений; граница резко отграничена от субстрата.

— Поверхность: гладкая, с лёгким матовым блеском; отсутствуют впадины, бугорки или трещиноватость.

— Цвет: однородно-кремовый, без градиентов или вкраплений.

— Прозрачность: непрозрачная, свет не просвечивает даже по периферии.

— Консистенция: плотная, упруго-эластичная; при надавливании не деформируется необратимо, не оставляет мажущего следа.

— Высота профиля: слабовыпуклая, максимальная высота в центре — до 1,5 мм; склон плавный, без уступов.

— Запах: нейтральный, слабо землистый, без гнилостных или кислых нот.

Закключение: колония представляет собой морфологически сложную структуру с признаками адаптации к экстремальным условиям тоннеля. Её необычный внешний вид и рост требуют детального микробиологического и биохимического анализа.

Пиллен сидел за столом, сверяя записи в планшете. Рядом Макс возился с блоком питания дрона, бормоча что-то про «недостаточную ёмкость» и «неудобно расположенные клеммы».

— Макс, — не поднимая головы, произнёс Пиллен, — если ты ещё раз разберёшь этот блок, я разберу тебя на части и соберу в более работоспособном виде.

— Я просто оптимизирую, — невозмутимо ответил Макс, не отрываясь от пайки. — В полевых условиях каждая минута работы батареи на счету.

Лещец, развалившись на грубо сколоченном стуле, под-

нял на вытянутой руке свой планшет.

— «И вечный бой, покой нам только снится...» — продекламировал он. — Актуально, кстати. Мы тут как раз воюем — с тайгой, с техникой и с собственной усталостью.

— Поэзия — это хорошо, — отозвался Валериан, протирая линзы микроскопа. — Но лучше бы ты воевал с отчётами. Твой вчерашний — как шифровка без ключа.

— Творческий подход к документации, — подмигнул Лешец.

Ол поставила на стол термос и плетёную корзину:

— Горячий чай. И лепёшки с брусникой. Вы опять забыли поесть.

— Ол, ты нас балуешь, — улыбнулся Пиллен. — Мы же целая экспедиция, а не дети малые.

— Экспедиция, которая не ест, — плохая экспедиция, — строго сказала Ол. — Фэт говорит, вы слишком много думаете и слишком мало отдыхаете.

Фэт кивнул:

— В тайге сила — в равновесии. Вы берёте у леса знания, отдавайте ему уважение. И хотя бы ешьте то, что он даёт.

Риккот оторвался от записей.

— Фэт, а ваши предки, когда-нибудь жили здесь постоянно? Или всегда кочевали?

— Кочевали, — ответил вождь. — Но знали места, где можно остановиться. Где лес не против. Этот тоннель... он не против, но и не рад. Он наблюдает.

Наступила пауза. Макс отложил паяльник:

— Наблюдает, значит. Отлично. Теперь я буду чувствовать себя под прицелом у гигантской пещеры. Спасибо, Фэт.

— Не пещеры, — мягко поправил Фэт. — Места. Место — оно живое. Вы, учёные, ищите ответы в пробирках. А мы — в ветре, в следе зверя, в молчании камней. И часто наши ответы сходятся.

Пиллен налил себе чаю, вдохнул аромат хвои и брусники:

— Может, в этом и суть? Искать не только данные, но и контекст. Риккот, включи это в методологию — «Учет этнокультурного восприятия аномалий».

Риккот хмыкнул:

— Уже пишу. Пункт 42.

— Пункт 42 всегда самый важный, — серьёзно сказал Лещец, откусывая лепёшку. — В любом научном труде.

Ол рассмеялась, и Райл, что-то чертивший угольком на полу, поднял голову и широко улыбнулся.

За пределами палатки шумела тайга, а внутри маленькой едальни было тепло и уютно.

— Генератор проверить надо, — буркнул Макс, — Опять треск внутри. Как будто кто-то грызёт провода.

— Может, и грызёт, — усмехнулся Лещец, — Тайга полна сюрпризов. Вчера видел следы, похожие на медвежьи, но крупнее.

— Ты всегда видишь следы крупнее, чем надо, — отозвался Валериан. — Особенно после третьей кружки чая Ол.

Ол, услышав своё имя, улыбнулась:

— Чай расслабляет душу и раскрывает разум. А ещё — согревает и успокаивает. Кто хочет ещё?

— Налей мне, — Риккот пододвинул свою кружку поближе к термосу. — И, может быть, расскажете, что-нибудь? О местах, где вы кочевали раньше?

Фэт, сидевший поближе к камину, поднял глаза к низкому потолку.

— В верховьях реки, где сосны выше домов, есть поляна. На ней камни стоят кругом, как стражи. Мы называем её «местом, где слушают». Там тишина такая, что слышно, как падает лист за километр. И если лечь на землю, можно почувствовать, как бьётся сердце земли.

Пиллен оторвался от планшета и внимательно посмотрел на вождя.

— Сердце земли... Ты говоришь образно или...?

— Я говорю так, как чувствую, — спокойно ответил Фэт. — Учёные ищут ответы в приборах, охотники — в следах, шаманы — в снах. Но все мы идём к одному.

Райл оторвался от своего рисунка и спросил: — А в тоннеле тоже есть сердце?

Наступила пауза. Даже треск огня в печи показался громче.

— Интересный вопрос, — медленно произнёс Пиллен. — Мы фиксируем ритмичные пульсации. Не исключено, что это какая-то форма геофизической активности. Или даже

биоэлектрические процессы.

— Биоэлектрические процессы в скале? — скептически поднял бровь Валериан. — Звучит... смело.

— А что, если скала — не совсем скала? — тихо спросил Риккот. — Фэт говорит, что место живое. Может, мы просто не понимаем масштаба? Что, если тоннель — часть чего-то большего?

Валериан громко расхохотался.

— Ты чего? — обиженно спросил Риккот.

— Представил, на какую часть животного это больше всего похоже.

Теперь расхохотались все. Даже Первый растянул губы в кривоватой улыбке.

Лешец подкинул полено в печь, подобрал выпавший уголёк и закинул его обратно в топку.

— То есть, мы сидим на краю гигантского организма и тычем в него датчиками? Замечательно. Теперь я точно не усну.

Ол покачала головой.

— Уснёшь. Мой чай с брусникой и чабрецом успокаивает даже самых беспокойных.

— И всё же, — Пиллен потёр подбородок, — стоит пересмотреть гипотезы. Макс, давай запустим глубинный сейсмограф. Валериан, подготовь комплект датчиков для длительного мониторинга — установим вдоль тоннеля. Риккот, тебе внеплановое задание. Запиши все местные преда-

ния о «живых местах». Фэт, поможешь ему?

Дикарь кивнул, довольно улыбаясь от внимания.

— Слушаюсь, капитан, — шутливо отсалютовал Риккот.

— Кто-то должен вести хронику этого безумия. Напишу мемуары: «Три недели в объятиях спящего монстра».

— Без паники, — строго, сказал Пиллен, пряча улыбку.

— Никто никого не обнимает.

— Это пока. — ворчливо ответил помощник.

Огонь трещал, звёзды высыпали над Тайгой, а на столе мигал экран монитора. Дрон, оставленный у входа в тоннель, передавал первые ночные данные. На графике чётко выделялся ритм: медленный, ровный, не похожий ни на один ритм, занесённый в его базу данных.

Глава 13. IT — Маугли

Маленькая сидела на полу, скрестив ноги по-турецки и не отрываясь смотрела на огромный, во всю стену экран. Перед ней большая чаша, почти полная белых орешков. На экране мелькали кадры старой хроники. Черно-белое изображение с дергаными кадрами и мелькающими царапульками-помехами. Глухой голос бубнил что-то, на малопонятном языке.

Тонкими пальчиками гедла захватывала орешки и отправляла их в рот. Хрупанье заглушало даже бубнёж с невидимых динамиков.

Я помахала рукой перед её лицом. Никакого эффекта. Пришлось встать между ней и экраном.

Гедла моргнула и, наконец то, заметила меня.

— Явилась наконец. — пробурчала она, пытаясь быстро прожевать орешки. — Где тебя носило? Я тут уже с ума схожу.

Я махнула рукой вдаль.

— Ну понятно. У вас там дела важные, а мы тут пропадай.

Гедлочка отодвинула чашу и отряхнула ладони.

— Смотри, что я тут нашла.

Она кивнула на экран.

— Я сначала дырочки обнаружила. Вот.

Тонкий пальчик уткнулся в стену. Я с трудом разглядела там крохотное отверстие. Точнее, целый ряд отверстий.

Сверху донизу.

— Я всю стену общупала. Каждый сантиметр. Вот тут, гляди.

Анастасия провела ладонью в самом низу стены и нажала на еле заметную выпуклость. Из стены выехала узкая и длинная каретка, в которой лежали крохотные черные шарики.

— Я видела такие в Центре. Сама бы никогда не догадалась что это такое.

Гедла выковырнула такой же шарик из своего ушка.

— Это устройство передает звук. И я подумала, что если есть приемник, то должен быть и передатчик. Едва не свихнулась пока разобралась.

Маленькая подбежала к разноцветной стене и отколупнула квадратик. А потом отломилась от квадратика тонкую, как игла полоску, вернулась к экрану и воткнула иглу в дырочку. Изображение на экране моргнуло и сменилось. Теперь там показывали чудные зеленые острова.

— У них тут целый архив.

Гедла осторожно втянула из другого отверстия иглу-флешку, соединила её с квадратиком, лежащим рядом с чашей, и прикрепила квадрат обратно на стену.

— Меня просто бесило, что я не понимаю их тарабарщину. Сначала ругалась, а потом начала комментировать всё, что видел на экране. И язык начал меняться. Теперь можно понять, о чем там рассказывают. В общих чертах, но все-таки. Правда же я умница?

Я слушала беспрерывную болтовню Анастасии и натурально обалдевала.

Когда то, в прошлой жизни мне попало чтение про младенца, который попал на необитаемый остров, благополучно там вырос, нашел книжку и абсолютно самостоятельно выучился читать и даже говорить. Хотя до момента обучения не имел даже понятия о человеческой речи. Его, кажется, обезьяны воспитывали. Этим он от Маугли и отличался. В худшую, конечно же, сторону.

На моменте внятно произнесенной им фразы, после первого прочтения буковок, книжка улетела в макулатуру.

Даже в фантастическом жанре подобная ахиня казалась мне верхом нелепости. А теперь передо мной стоял этакий самородок, далёкий от электронных гаджетов, но с лёгкостью покоривший сложную технику.

Я бы, на её месте просто любовалась красивой стеночкой, а на дырочки даже внимания не обратила. Мало ли для чего их там насверлили. Может, дизайн такой, а может, новую дрель проверяли.

— Слушай, это всё так интересно. Я здесь только благодаря этой стене с ума не сошла. Вот, даже про тебя почти забыла. А ты видела такое?

«Да»

— Ну разумеется. — Вздохнула Анастасия. — У вас в Центре и не такие чудеса есть.

Если бы гедла меня слышала, я могла бы ей напомнить о голограммах на наших праздниках. Там то технология чуток посложнее, чем простой телевизор. Но, с другой стороны, голограммы она уже видела, а картинки на экране нет. И откуда ей, вообще, знать, что сложнее, а что проще.

Маленькая в очередной раз смогла меня поразить. После такого, думаю, она бы с легкостью решила загадку про сон, от пожилой гедлы. Вот только как ей рассказать об этой загадке?

Пришлось немного поиграть в «Крокодила». Скрещенные руки моментально довели до гедлы мысль что пора заняться делом.

— Хорошо. Обо всем этом потом поговорим. Давай к делу, а то висишь тут, как фонарик, а время идет. — деловито заявила маленькая, и я от возмущения чуть не задохнулась.

Сама уже час триндит о своей находке, слова не дает вставить, и я же фонарик.

Я уперла руки в бока и склонила голову набок. Поза неприкрытого негодования.

— Не бухти. — Отмахнулась от меня гедла. — Давай дела решать. Надумала, как в свое тело влезать будешь?

Я пожала плечами. Указала рукой в сторону, где находилась каюта с камерами, потом на себя, сложила ладони лодочкой и прижала их к уху, слегка наклонив голову.

Анастасия внимательно смотрела на мою пантомиму. Потом так же, как и я сложила ладони и прижала их к ушку.

— Ага. Поняла. Она крепко спит, и ты не можешь её разбудить.

«Нет» — замахала я руками.

Блин-малина, да как же ей объяснить?

«Она» — взмах рукой вдаль, «Я» — тычок в собственную грудь, «Вместе» — постучала кулаками друг об друга, «Спать» — ладошки под ухом.

— Она, ты, вместе спать. — Правильно поняла меня Анастасия. — И что?

В ответ я только плечами пожала. Знать бы самой «что», и как это осуществить, давно бы попробовала.

— Погоди. Ты хочешь сказать, что вам надо увидеть один сон?

Два больших пальца были ей ответом.

— Но как ты это сделаешь?

Я пожала плечами, ткнула пальцем ей в грудь, а потом им же «постучала» по её голове.

— Ну ты даешь. А я-то откуда знаю, как это делается.

Я разочарованно вздохнула и опустилась на пол.

Анастасия всплеснула изящными ручками.

— Вот честное слово, была б ты в теле, так бы и пнула. Чего расселась? Лети давай, пробуй.

«Что пробовать»? — развела я руками.

— Не знаю. В башку к ней залезь и усни там. Ну ты же вселялась в Ол, а у нее только временное помутнение было. Это почти как сон разума. Вспомни, как оно было, что ты

тогда чувствовала, что там видела, как себя там ощущала. У вас же с Ольгой общая жизнь. Воспоминания общие. Думай об этом. Представь, что ты — это она и есть. Прикинься ею.

Штои, на безрыбье и рак — селёдка. Попробовать то можно. В лоб никто не даст.

Глава 14 Борьба с собой самая трудная

Ольга лежала там же.

И как мне в тебя вселиться?

Так и не придумав ничего умного, я просто легла вдоль её тела, полностью слившись с ним и прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться. Вспоминала моменты, когда была с Ольгой одним целым, смотрела её глазами, дышала её легкими, нашу общую радость и боль.

Видения всплывали, как пузырьки воздуха из глубины: первый поцелуй, сдача экзамена, похороны бабушки.

Калейдоскоп эмоций и образов. Попыталась отбросить всё лишнее, сконцентрироваться на Ольге, на её внутреннем мире, на той частичке, которая сейчас была словно окутана туманом.

Представляла, как будто наши сознания соединяются тонкими нитями, переплетаясь и образуя единую сеть. В голове билась одна-единственная мысль: «Я Ольга».

Внутри начало что-то меняться.

Появилось ощущение чужого тела, чужой боли. Я как будто бы оказалась в темной комнате, где слабо мерцал свет. Попыталась разглядеть, что окружает меня, но видела только размытые очертания.

Тяжесть в голове усиливалась, словно на меня давили со всех сторон. Сквозь этот сумрак пробивались обрывки мыслей, несвязные образы: детская площадка, запах свежей выпечки, чей-то грустный взгляд.

Среди этого хаоса мелькнуло знакомое лицо — мама. И тут меня пронзила острая боль утраты. Я попыталась ухватиться за эту нить, за это чувство, но силы покидали меня. Темнота сгущалась, и я почувствовала, что начинаю тонуть в этом беспросветном мраке.

Мрак. Мрак и страх.

И страх этот был настолько сильным, что я не сразу поняла, это не мой страх. Это боялась Ольга.

Именно в этот миг я полностью осознала, что мы больше не одно целое. Она другая, самостоятельная личность. Точнее, она осталась собой. Той Ольгой, которая заблудилась во времени и попала в чужой ей мир. Изменилась я.

Это я перестала быть Ольгой, превратившись в Альлигу, так легко забывшую всю свою прошлую жизнь.

Но как она смогла стать самостоятельной? Или наша память это и есть вся наша личность и нет никакой таинственной души? Тогда что из себя представляет та энергетическая сущность, в виде которой я существую отдельно от тел?

«Ты — осколки» — Услышала я голос Анастасии. — «Ты можешь возвращать себя себе и не бояться пустоты»

Так может душа, все-таки существует и я смогла поделиться ею с Ольгой, когда восстанавливала её разрушенную

память?

Неожиданно сквозь тьму пробился тихий, мелодичный и до боли знакомый звук. Это была колыбельная, которую пела мама.

Звук становился громче, яснее, и вместе с ним возвращались силы. Я цеплялась за него, как утопающий за соломинку, позволяя ему вести меня сквозь мрак. Постепенно пространство начало наполняться светом. Размытые очертания стали обретать четкость, и я увидела, где нахожусь. Это была моя детская комната, с обоями в цветочек, плюшевым мишкой на кровати и фотографиями на стенах. Маленький мир маленькой Оленьки.

Я вспомнила, как любила свою крохотную комнатку-чуланчик, куда едва поместилась одна узкая кровать, тумбочка, в которой лежали носочки, трусики и ночная пижамка и огромная, во всю стену, полка с книжками и игрушками. Какой красивой казалась мне эта каморка, и как уютно и сладко спалось на узкой кровати.

Но здесь всё было не так. Стены все в плесени, потрескавшиеся настолько, что казалось вот-вот рухнут. Обгорелые корешки книг, разорванный плюшевый мишка без глаз и голая сетка кровати, с комком белья в углу, покрытом пеплом.

Ольга была здесь. Но я не видела её.

— За окошком ночь пришла

Звезды на небе зажгла

Месяц светит в тишине

Он баюкает тебе-

Тихо запела я и по комнатке разлился мягкий желтый свет.

— Спи моя родная

Сладко засыпай

Ангел твой крылом

Охраняет дом

Плесень на стенах таяла и съеживалась. Трещины срастались и стены расцветали мелкими ромашками и незабудками.

— В комнате тепло

Мягко как в гнезде

Все игрушки спят

Ждут тебя во сне

Мишка на полу уставился на меня круглыми пуговичными глазами.

— Спи моя родная

Сладко засыпай

Ангел твой крылом

Охраняет дом

Кучка белья на кровати зашевелилась и из нее высунулась мордашка с черными потеками, от слез и пепла, на щечках.

Пусть приснится сад

Полный дивных роз

Пенье ручейка

И полет стрекоз

Веселые стрекозки не заставили себя ждать. Девочка улыбнулась и протянула к ним руки.

— Спи моя родная

Сладко засыпай

Ангел твой крылом

Охраняет дом.

— Мама.

— Иди ко мне, малышка.

Я уселась на кровать, сгребла девочку вместе с одеялом и усадила себе на колени.

— Ты не моя мама. — прошептала она и по стенам вновь поползли трещины.

— Нет. Но я люблю тебя. Я пришла помочь. — тихо ответила я, покачивая Оленьку. — Я заберу тебя отсюда в чудесный сад, где светит солнышко и цветут настоящие цветы.

— Я боюсь. Там злая тетенька.

— Я её прогоню. Вот увидишь, никто тебя больше не обидит и не напугает.

«Ну Нянька, доберусь я до тебя. Ты у меня сама будешь сидеть в чулане и плакать» — подумала я.

Девочка доверчиво посмотрела на меня, и комната обрела свой прежний вид. Исчезли трещины, на полках стояли целые книжки и сидели в ряд все мои любимые куклы во главе с Мишуткой.

— Идем, родная.

Комната слегка дрогнула.

— Не бойся. Я с тобой.

Мы вышли из чуланчика в серое пространство, заполненное хаосом из наших воспоминаний.

Недоработала я в прошлый раз.

Я присела перед малышкой.

— Давай поиграем. Смотри, как должно быть.

Я провела рукой и в сером пространстве выстроилась прозрачная трехмерная сеть.

— Тебе надо всего лишь расставить всё по местам.

Оленька протянула ручку и взяла плывущий мимо ярко-красный шарик, задумалась, хмуря бровки и пытаюсь вспомнить, откуда он. А потом улыбнулась и серость подсветилась одним розовым светлячком, где-то вдали. Шарик в руках девочки растаял.

— Так? — Она посмотрела на меня огромными зелеными, в мелкую желтую крапинку, глазами.

— Умничка. Продолжай. — Похвалила я Оленьку, и она тут же схватила огромное яблоко, едва удержав его в ладошках.

Это яблоко было одним из самых первых моих детских воспоминаний.

Была уже ночь. Горели редкие фонари. Дорога была покрыта первым снегом и никого не было на пустынной улице. Ничей след еще не нарушил чистоту белого покрова. Мы

шли вдвоем с мамой. Я ленилась и хотела на ручки, но мама заставляла идти самой. И тут я увидела это яблоко. Бросив мамину руку, я побежала за своей добычей, не слушая мамыны крики. Я не помню вкуса того яблока. Я не помню откуда и куда мы тогда шли, но вот само яблоко на заснеженной дороге я вижу до сих пор. Каждый раз, когда думаю о маме.²

Оленька засмеялась, подкинула плод вверх и там засветилось еще одно пятнышко.

А девочка уже тянулась к следующему воспоминанию.

Ручки Оленьки мелькали все быстрее и быстрее, и я уже не успевала увидеть их движение. Пространство расцвечивалось все плотнее. А сеть обретала плоть. Нити-нейроны тянулись друг к другу, срастались и становились всё более прочными. Я, раскрыв рот, смотрела на это чудо.

Большинство фрагментов ещё плавало в пустых пространствах, когда я услышала голос Ольги.

— Пока достаточно.

Я вздрогнула от неожиданности и повернулась.

Рядом со мной стояла взрослая я. Точнее, уже не я, а Ольга.

— Неплохо поработала, — сказала она, отряхивая ладонь о ладонь. — Остальное само устаканится. Теперь с тобой. — Она уперла руку в бочок. — Спасибо за помощь, но кто ты такая и что здесь делаешь?

² Это действительно одно из первых детских воспоминаний автора.

Её нижние веки слегка подтянулись наверх. При виде этого взгляда мой муж шептал себе под нос «У-у, змеищца бешеная» и уходил. Но я, с таким трудом попавшая сюда, уходить не собиралась.

— Ты можешь мне не верить, но я это ты.

— Ну как тут не поверить. Мы же с тобой прямо близнецы. Однойцевые. — Не поверила мне Ольга.

— Я могу рассказать абсолютно всё, что ты знаешь, и даже то, чего пока еще не помнишь. Смотри, вон тот шарик мне купил папа на ярмарке. И это было всё, что он мне тогда купил. А потом напился и уснул прямо в пивнушке, и я сидела там под столом, потому что боялась пьяных дяденек. Яблоко мы нашли с мамой на дороге, а в книге про Белоснежку я хранила записку от мальчика с первым признанием в любви. В третьем классе нас разделили, и мальчик влюбился в другую. А вот это...

Я схватила проплывающее мимо пластиковое ведро, в котором лежал, точнее, стоял, единственный белый гриб. Шляпка этого гриба закрывала ведро как крышка.

— Этот гриб мы нашли с мужем. А потом я подарила его подруге, которая тогда работала в интерлагере. И весь лагерь почел долгом сфотографироваться с этим грибочком, а потом они разделили его на всех, поджарили на костре и съели. Подружка показала мне снимок, на котором была она, красивая мулаточка и пара мексиканцев в огромных сомбреро.

И снимок был поляроидный.³

Я всунула ей в руки ведро.

— Проверь сама.

— Ольга осторожно взяла ведро одними пальцами, подозрительно на меня покосилась и посмотрела наверх, выискивая нужную ячейку и когда воспоминание заняло свое законное место, она немного посопела и спросила.

— А что я хранила под шкафом?

Я расхохоталась, наклонилась к её уху и, несмотря на то что здесь никто не мог нас подслушать, шепотом сказала ответ.

— Так вот ты какое, раздвоение личности. — Пробормотала Ольга. — Привет шиза.

³ Реальный факт из жизни автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.